

Н.А. Добронравин, В.В. Илянин, А.А. Маслов

**ЗИГЗАГИ НЕПРЕДСКАЗУЕМОГО РАЗВИТИЯ:  
НИГЕРИЯ, АНГОЛА,  
«НЕФТЯНЫЕ ЭМИРАТЫ»  
ГВИНЕЙСКОГО ЗАЛИВА**

В последние годы высокие, хотя и нестабильные, цены на углеводородное сырье и сложная военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке стимулируют поиск нефти и газа в Африке. Благодаря развитию современных технологий освоения морских месторождений, буквально на глазах разворачивается новая гонка за раздел Африки, только уже не самого материка, а перспективных блоков на шельфе и даже глубоководных месторождений. У западноафриканского побережья полоса активного раздела будущих месторождений стремительно продвинулась от западной границы Нигерии до Мавритании. У побережья Восточной Африки обнаружены значительные запасы углеводородного сырья в экономической зоне Танзании. В случае успешного освоения восточноафриканских месторождений энергетическая карта Африки может значительно измениться; однако сегодня основные зоны разведки и добычи нефти и газа сосредоточены в акватории Гвинейского залива и в прилегающей к нему прибрежной зоне от Анголы до Нигерии. За пределами этого региона нефтедобыча всерьез развивается только в Чаде и Судане, но и чадская нефть транспортируется через терминал на атлантическом побережье Камеруна.

По оценкам корпорации *BP*, за последние 20 лет доказанные запасы нефти в Западной Африке выросли приблизительно в 3 раза — до 7,5 млрд тонн. Это около половины всех запасов Африки (примерно столько же приходится на месторождения Северной Африки, главным образом, в Ливии). Общемировые доказанные запасы за тот же период выросли только в 1,6 раза. Соответственно, доля Западной Африки, или региона Гвинейского залива (в широком смысле, от Анголы до Мавритании), в мировых запасах нефти увеличилась с 2,4% до почти 5%. Общая стоимость этой нефти в текущих рыночных ценах составляет более 3,5 трлн долл. Подобных доходов теоретически могло бы хватить на решение большинства проблем региона.

Не менее быстрыми темпами росли и доказанные запасы природного газа, однако почти исключительно за счет Нигерии, с 1,3 трлн в 1985 до 5,1–5,2 трлн м куб. в 2006 г. (почти в 4 раза, при общем росте в 1,8 раза). Объемы газодобычи пока относительно невелики; в 2005 г., по данным *BP*, было добыто 22 млрд м куб. природного газа. При таких темпах добычи даже уже разведанных запасов газа должно хватить на 240 лет.

Нигерия вышла на первое место в Африке по запасам газа, обогнав Алжир. Второе место в Западной Африке занимает Камерун (около 0,1 трлн м куб. — т.е. примерно в 50 раз меньше, чем в Нигерии). В других странах региона, перспективных с точки зрения газодобычи, газовая отрасль пока развития не получила, за исключением Экваториальной Гвинеи.

Сегодня единственный реальный способ вывести западноафриканский газ на мировые рынки — наладить производство сжиженного природного газа (СПГ). В Нигерии, на острове Бонни, такой завод уже построен, еще 1–3 завода появятся в ближайшие годы. Завершается строительство завода на острове Биоко в Экваториальной Гвинее, рассчитанного не только на местный, но и на импортируемый из соседних стран природный газ. Ангола также планирует нарастить запасы, построить (за счет иностранных инвесторов) заводы по производству СПГ и начать, таким образом, экспорт газа.

По нефти соотношение добычи и запасов у Нигерии в целом находится на среднемировом уровне — 39 лет (по оценке *BP*). В других странах увеличение доказанных запасов нефти несколько отстает от темпов добычи. В Габоне разведанных запасов должно хватить примерно на 26 лет добычи, в Анголе — на 20 лет, в Республике Конго — на 19 лет, в Экваториальной Гвинее и Чаде — на 14 лет. Однако эти цифры условны. Запасы постоянно восполняются за счет вновь открываемых месторождений — в последнее время, в основном, за счет движения нефтедобычи на большие глубины и большие

расстояния от берега. Кроме того, данные о запасах углеводородного сырья и его добыче далеко не всегда можно считать достоверными, несмотря на все заявления правительств и добывающих компаний об увеличении прозрачности в данном секторе экономики.

Колебания объема добычи и экспорта нефти из стран Гвинейского залива зависят не только от технологии, но и от того, как решаются проблемы в отношениях между государственными структурами (и отдельными чиновниками), иностранными компаниями, местными властями и различными неправительственными силами (бандиты, повстанцы, невооруженное мирное население).

Например, 2006 г. сложился для стран региона неоднозначно. В очередной раз был отмечен заметный рост добычи нефти в Анголе (на 12% по отношению к 2005 г.); Ангола уже в самое ближайшее время выйдет на уровень 1,5 млн баррелей в день. Одновременно в Нигерии, традиционном лидере по объемам добычи в регионе, произошло сокращение нефтедобычи на 4%. Одной из причин падения добычи была общая нестабильность в дельте реки Нигер, однако можно предположить, что влияние военно-политического кризиса на реальные объемы добычи и экспорта преувеличивается самими добывающим компаниями, заинтересованными в повышении цен. Экваториальная Гвинея третий год подряд уверенно удерживает третье место по региону, но реальные объемы нефтедобычи, по данным управления энергетической информации министерства энергетики США (EIA), сократились примерно на 7%, до 330 тыс. баррелей в день. Падение добычи в Экваториальной Гвинее компенсировалось ее ростом в Республике Конго и Габоне (на 6,2 и 6,6%, соответственно); в этих странах в 2006 г. добывалось по 241 тыс. баррелей в день.

Из-за разногласий между правительством Чада и консорциумом инвесторов сократилась на 37% добыча нефти в этой стране (до 156 тыс. баррелей в день), в результате чего Чад опустился с четвертого места в регионе на шестое, вновь пропустив вперед Габон и Экваториальную Гвинею. Впечатляющий рост добычи (почти в 2 раза) продемонстрировал Кот-д'Ивуар. Эта страна, добывающая почти 95 тыс. баррелей в день, оттеснила с седьмого места по региону Камерун и уже вполне может считаться полноправным членом «нефтяного клуба». Объемы добычи нефти в Кот-д'Ивуаре превысили установленную мощность построенного в этой стране нефтеперерабатывающего завода.

Радикальная трансформация экономики африканских стран, в которых были открыты и освоены месторождения углеводородов, сопровождалась деградацией ненефтяных секторов экономики. Однако в разных странах масштабы кризиса на фоне нефтяного бума

существенно различались. Например, в Республике Конго развитие «голландской болезни» протекало в смягченной форме из-за таких факторов, как отсутствие единства национальной экономики, гетерогенность систем цен, стабилизирующая роль неформального сектора, принадлежность страны к зоне франка, значительная роль натурального потребления и слабая монетаризация деревни. Камерун, пострадавший от неблагоприятного для этой страны раздела морских месторождений в Гвинейском заливе, сумел сохранить «нефтяной» характер экономики. Как показал Ж.-Ф. Кутассила, «нефтяное проклятие» почти не коснулось Камеруна.<sup>1</sup> Напротив, Нигерия, с ее относительно высоким уровнем экономического развития и интегрированности регионов, испытала на себе самые негативные последствия внезапного притока «незаработанных доходов» и считается классическим случаем «нефтяного проклятия».

Официальная стоимость экспорта нефти и газа из Нигерии составила, по итогам 2006 г., около 40 млрд долл. Еще около 4–5 млрд долл. составила контрабанда (о достоверности оценок и официальной статистики, по понятным причинам, говорить не приходится). Экспортеры ангольской нефти выручили в 2006 г. почти 30 млрд долл. (по данным *EIA*, общий экспорт страны составил 32,5 млрд долл.). Еще до 30 млрд долл. дал экспорт нефти из других стран региона — Экваториальной Гвинеи, Габона, Республики Конго, Чада, Кот-д'Ивуара, Камеруна, Демократической Республики Конго. Таким образом, всего западноафриканской нефти было продано почти на 100 млрд долл. Для сравнения, в 1998 г. эта цифра составляла около 15 млрд долл.

Однако стремительный рост объемов продаж (в 6 раз менее чем за 10 лет) почти никак не сказался на росте доходов и благополучия большинства населения региона, так как основная часть доходов тем или иным способом возвращается покупателям нефти.

Во-первых, больше половины выручки получают иностранные нефтяные компании, такие как *Shell*, *BP* или *Total*, представляющие страны-импортеры. Во-вторых, национальные нефтяные компании, получающие часть выручки, вынуждены пользоваться услугами подрядчиков, консультантов и т.п. из стран, обладающих современными технологиями или политическим влиянием, т.е. из тех же стран-потребителей; всем им приходится платить из «национальной» части выручки. В-третьих, те деньги, которые все-таки попадают в бюджет добывающих стран, опять же расходуются на импорт, а также

<sup>1</sup> Jean-Philippe Koutassila. Le syndrome hollandais: théorie et vérification empirique au Congo et au Cameroun. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ced.u-bordeaux4.fr/ceddt24.pdf>.

на выплаты процентов по кредитам. В-четвертых, крупные частные вклады нигерийцев, ангольцев и граждан других стран, имеющих прямое или косвенное отношение к распределению нефтяных денег, хранятся в «надежных местах», т.е. в западных банках (обычно в бывших метрополиях или в США) и их филиалах на национальной территории. В результате из упомянутых 100 млрд долл. только около 5 млрд долл. (по самым оптимистичным оценкам) непосредственно участвуют в развитии региона.

Повышение цен на нефть приводит к усилению роли богатых нефтью государств за счет некоторого ослабления роли корпораций. Потери иностранных компаний могут компенсироваться за счет тотальной коррумпированности государственных структур, контролирующей разведку и добычу нефти и газа. Безусловно, коррупция носит в большинстве стран региона системный характер, при заинтересованном участии добывающих компаний и связанных с ними иностранных государств. Однако надо отметить, что ошибочно сблизать роль госчиновников в странах Африки с ролью наемных сотрудников нефтяных компаний. Сам факт коррумпирования и покупки благожелательного отношения конкретного чиновника, целого министерства или влиятельного человека, приближенного к президенту той или иной страны, совершенно не означает получения контроля над ним.

Коррупционные схемы подвержены и изменениям политической конъюнктуры в странах-потребителях, как показало дело французской компании *Elf*. В регионе она была представлена пятью компаниями — *Elf Nigeria*, *Elf SEREPCA* (в Камеруне), *Elf Gabon*, *Elf Congo* и *ELF Angola*. В Габоне и Конго компании действовали как совместные предприятия (доля государства составляла 25%). Налог на деятельность компаний, независимо от конечного результата, был 17,5%, а нефтяной налог, привязанный к результату, достигал 70%. В Нигерии, Анголе и тогдашней Народной Республике Конго (Конго-Браззавиль) французы работали на основе соглашения о разделе продукции. На долю *Elf* обычно приходилось 35% итоговой выручки (*profit oil*); государство получало свою долю сырой нефтью и продавало ее самостоятельно или через национальную компанию. Официальная схема не совпадала с реальной практикой распределения доходов, существовала «черная касса», банк, контролируемый *Elf*, управлял счетами президентов Конго, Габона и Анголы. Чтобы получить доступ к месторождениям, использовалась система «бонусов». Лидеры и министры не просто получали «благодарность» за услуги, а требовали предварительного финансирования еще до начала деятельности компании (и всегда получали его). Подружившись с *Elf*,

президент одной страны охотно лоббировал интересы французской компании и за рубежом (президент Конго — в Анголе; президент Габона — в Нигерии и Чаде). *Elf* оказалась в центре скандала не только из-за финансовых нарушений, но и потому, что компания слишком грубо и не всегда удачно защищала политические интересы французского руководства в период правления социалистов.

Помимо коррумпированных чиновников, влияние нефтяных компаний в принципе может базироваться на военной силе «своих» государств. Но в эпоху асимметричных войн этот ресурс также имеет относительную ценность; сравнительно небольшие по численности «народные» вооруженные формирования в Нигерии (район дельты Нигера) в состоянии влиять на экспорт нефти стоимостью 4–5 млрд долл. в год. Не всегда помогают и частные охранные структуры. Постоянным элементом нефтяного бизнеса в Африке стало похищение и последующий выкуп сотрудников иностранных компаний, независимо от мощи государств, чьими гражданами они являются (похищали и американцев, и китайцев), а в особо проблемных районах — саботаж или угроза терактов на трубопроводах и платформах. Механизм защиты от нападений также хорошо известен благодаря делу *Elf*. В Анголе во время гражданской войны компания финансировала правительство МПЛА, включая и закупки боевых вертолетов. Когда же лидер движения УНИТА Ж. Савимби пообещал в ответ взорвать нефтяные сооружения *Elf*, пришлось платить и ему. В результате никто из французских нефтяников во время войны не пострадал.

Слабость госаппарата в африканских странах обычно проявляется в тех случаях, когда от чиновников требуются системные конструктивные и созидательные усилия. Если же требуются деструктивные действия, такой аппарат может оказаться неожиданно сильным. Иными словами, у любого, даже самого слабого и коррумпированного, африканского правительства, найдется десяток сравнительно честных способов помешать успешной работе добывающих корпораций на территории их стран, и именно на этом потенциале деструктивного влияния и основана, прежде всего, сила их переговорных позиций.

О том, как африканский партнер может добиться выполнения своих требований от иностранной компании, свидетельствует недолгая, но увлекательная история чадской нефти. Республика Чад, созданная французами как часть Французской Экваториальной Африки, не имеет выхода к океану и страдает от регулярно возникающих

межрегиональных и межэтнических конфликтов.<sup>2</sup> Чадскую нефть начали добывать в 2003 г. В том же году был открыт экспортный трубопровод из Чада в Камерун. В стране нет своей национальной нефтяной компании, монополия на нефтедобычу принадлежит консорциуму, в который входят *ExxonMobil* (40%), *Chevron* (25%) и *Petronas* (35%). К октябрю 2006 г. экспорт нефти принес в бюджет страны около 600 млн долл. — примерно 12,5% доходов от всего экспорта нефти за период с начала добычи.

Осуществление чадского нефтяного проекта стало возможным только благодаря кредиту Всемирного банка, который договорился с президентом Идрисом Деби о распределении доходов от экспорта нефти. По условиям Всемирного банка, который профинансировал 13% стоимости проекта, часть нефтедолларов должна направляться на борьбу с бедностью и в специально созданный «Фонд будущих поколений».

В январе 2006 г. Всемирный банк заморозил счета правительства Чада в *Citibank* (125 млн долл.) и приостановил оказание «финансовой помощи» (так называются на языке Всемирного банка льготные кредиты), обвинив Деби в невыполнении соглашения. В ответ Деби потребовал, причем не от Всемирного банка, а от консорциума инвесторов, выделить правительству 100 млн долл. под угрозой прекращения экспорта нефти.

При посредничестве США конфликт удалось погасить — в июле Чад заключил с Всемирным банком новое соглашение, по которому государство обязалось отчислять 70% бюджета 2007 г. на программы по борьбе с бедностью. Таким образом, доля, которой правительство может распоряжаться по своему усмотрению, выросла с 10% до 30%.

Однако уже в августе 2006 г. президент Чада заявил, что нефтедобывающие компании *Chevron* и *Petronas* должны прекратить свою деятельность в стране и покинуть ее пределы в течение 24 часов, так как они не заплатили налоги в размере 450 млн долл. Обе компании достаточно быстро поняли, что от них требуется, и в октябре договорились с правительством Чада о выплате 289 млн долл., хотя до этого заявляли о том, что налоговых претензий к ним быть не может. Таким образом, на фоне сокращения добычи нефти и, соответственно, ее экспорта из Чада, можно констатировать рост доходов чадского правительства.

Сейчас, когда нефтепровод уже построен и разработка нефтяных месторождений начата, Чад может (и при удобном случае наверняка

<sup>2</sup> О ситуации, в которой начиналась нефтедобыча в Чаде, см., например: А. Чумаков. Чад. Политические и военные риски // Аф-Ро. № 3, 2006. С. 65–66.

будет) требовать пересмотра соглашений, подписанных с консорциумом в 2000 г., как невыгодных для страны. Если даже уйдут *Exxon-Mobil*, *Chevron* и *Petronas*, то, с большой долей вероятности, на их место придет Китай, который уже работает в соседнем Судане, не боится политических рисков, не выдвигает политических условий и очень заинтересован в африканской нефти.

Помимо иностранных компаний и государственных корпораций, в Нигерии и отчасти в Анголе в последние годы действует и местный частный капитал. Наличие независимых национальных финансово-промышленных групп (ФПГ) является в современном мире одним из условий реального государственного суверенитета. В большинстве стран Гвинейского залива в нефтегазовом секторе экономики действуют только государственные корпорации. Суть их деятельности часто сводится к получению и «правильному» (с точки зрения руководства страны) распределению той доли доходов, которую законным или незаконным путем удается отнять у иностранных партнеров.

Нефтепереработка развивается в добывающих странах региона намного медленнее, чем разведка и добыча углеводородного сырья. Основные вложения в этот сектор пришлось на годы предыдущего нефтяного бума.

В настоящее время нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) владат довольно жалкое существование по всей Западной Африке. Только в Нигерии, и то недавно, появились некоторые надежды на восстановление и рост в этом секторе, который включает 4 НПЗ, битумные заводы и завод по производству масел и смазок.

Относительно благополучно работает НПЗ в Камеруне. Завод мощностью в 3,5 млн т сырой нефти в год принадлежит *Société Nationale de Raffinage (SoNaRa)*. В капитале *SoNaRa* участвуют американская *ExxonMobil* (8%), французская *TotalFinaElf* (18%), англо-голландская *RoyalDutch Shell* (8%), но основной пакет остается у правительства Камеруна (66%). Камерунский завод, введенный в строй в 1981 г., также работает на импортной нефти. При этом на экспорт (в страны Западной Африки, Европу, Южную Америку, США) идет до 40% продукции НПЗ, т.е., по существу, завод работает на давальческом сырье (в основном, из соседней Нигерии). Это едва ли не единственный пример такого производства в африканской нефтепереработке.

Также импортную нефть использует НПЗ в Кот-д'Ивуаре. Единственный в стране завод был построен в 1964 г., но никогда не работал на полную мощность. Управляет заводом компания *SIR — Société Ivoirienne de Raffinage*; доли капитала распределены следующим образом: 47,27% — правительство Кот-д'Ивуара, 25,3% — *TotalFinaElf*,



10,3% — *Shell*, 8,1% — *ExxonMobil*, 5,39% — правительство Буркина-Фасо (не имеющее выхода к океану соседнее государство Западной Африки), 3,7% — *ChevronTexaco*, 1,5% — правительство Китая (через одну из госкомпаний). Там же, во Бриди, располагается завод по производству битума (*Société Multinationale des Bitumes, SMB*). В Демократической Республике Конго, добывающей нефть в небольших объемах, НПЗ закрыт с 1998 г., но и до этого работал с перебоями и на импортной нефти.

НПЗ создают добавленную стоимость, а также способствуют развитию экономики в целом, давая стране свое, при этом, в идеале, еще и более дешевое топливо. Но есть и яркий пример «фальшивого» развития — это строительство объектов (заводов и терминалов) для сжижения природного газа и экспорта СПГ. Сжижение газа не ведет ни к созданию добавленной стоимости, ни к развитию внутреннего рынка. Поэтому строительство заводов по производству СПГ в стратегическом плане выгодно только покупателям газа. Во многих случаях сжижение газа больше подходит на навязанный выбор, стратегически невыгодный для стран-производителей.

Трубопроводы в этом отношении гораздо более привлекательны для добывающих стран. Строительство труб — это развитие инфраструктуры. Вместе с трубами можно строить дороги, линии электропередачи. От трубопроводов могут быть сделаны ответвления на внутренний рынок — для развития газовой энергетики и промышленности. Кроме того, строительство крупных трубопроводов обеспечивает подрядами местные компании, создает рабочие места, чего почти не происходит в случае со сжиженным газом. Наконец, как показывает мировой и нигерийский опыт, из трубопроводов можно воровать транспортируемое сырье, что представляет интерес для населения, даже несмотря на возможные фатальные последствия. Кроме того, трубы могут стать инструментом давления в руках тех сил, которые стремятся получить от иностранных компаний и национального правительства финансирование, например, для развития местных общин или реализации иных экономических и политических целей.

## **Нигерия: нефть, газ, демократия**

Самая населенная страна черного континента считается классическим примером нефтезависимого государства. Доходы от экспорта нефти и газа дают от 90 до 95% всех валютных поступлений и составляют более 80% бюджета страны. Быстрые нефтяные деньги

предоставили уникальные возможности мгновенного обогащения для элиты и в малой степени способствовали социально-экономическому развитию страны, где около 60% населения живет за чертой бедности. В середине 1950-х гг., когда в Нигерии началась добыча нефти, страна по уровню развития находилась выше стран Юго-Восточной Азии. Спустя почти полвека «нефтяной эры» в истории этого западноафриканского государства сами нигерийцы полагают, что, возможно, страна была бы сейчас в лучшем положении, если бы нефть не нашли. Практически все 140-миллионное население страны считает, что оно несправедливо обделено при разделе нефтяного пирога.

В современных границах Нигерия начала свое существование в 1914 г. Самая крупная британская колония в Африке была создана усилиями генерал-губернатора Ф. Лугарда на территории, которую населяли несколько сот больших и малых народов, очень сильно различавшихся по уровню социально-политического развития. Контактов между многими народами до колонизации не было вообще. Одни этнические группы жили практически изолированно, другие имели многовековую политическую историю и смотрели на «диких» соседей в лучшем случае как на потенциальных рабов.

Реки Нигер и Бенуэ разделяют Нигерию на три достаточно четко разграниченных этнокультурных региона — т.н. «Север» (больше половины национальной территории, но без непосредственного выхода к морю), «Запад» (фактически юго-запад, а также западный сектор морской экономической зоны Нигерии) и «Восток» (с географической точки зрения, юго-восток страны и восточный сектор нигерийского шельфа). Границы всех трех регионов окончательно сложились в колониальный период. Преимущественно мусульманский Север противопоставляется остальным районам страны, где главной религией стало христианство. На Западе активно действовали англиканские проповедники, тогда как Восток был зоной деятельности католических миссионеров.

На Севере доминируют этнические группы, известные под общим названием «хауса-фулани» (хауса и ассимилированные ими фульбе), на Западе — йоруба, а самым крупным народом востока являются игбо. Многие жители Нигерии — иммигранты из соседних стран или их потомки. В процентном отношении доля иностранцев меньше, чем в некоторых других странах Западной Африки, однако сам факт нежелательной иммиграции, связанной, к примеру, с разбоем на дорогах, время от времени становился предметом обсуждения и основанием для действий федеральных и местных властей (в период военного правления несколько раз проводились кампании по высылке иммигрантов).

В колониальную эпоху экономическая значимость Нигерии для метрополии определялась достаточно высоким уровнем развития экспортного сельского хозяйства (пальмовое масло, какао и др.) и наличием стратегически важных полезных ископаемых (олово, цинк, уголь). Еще до Второй мировой войны в стране появилась горнодобывающая и угольная промышленность.

Важным фактором дальнейшего политического развития была т.н. «система косвенного управления», полигоном для которой стала Нигерия. Немногочисленная британская администрация опиралась на традиционных вождей, предоставив им функции местных властей. Для этого пришлось провести некоторую стандартизацию политических образований на территории Нигерии, разделив вождей на три категории по степени значимости. Тех, у кого необходимых политических институтов не было, «дотянули» до нужного уровня, в некоторых районах приходилось создавать сам институт вождей, ранее неизвестный местному населению. За образец принималось европейское средневековье, а в практике косвенного управления чувствовалось влияние опыта, приобретенного при управлении Индией. В целом, опыт оказался удачным, система прижилась и в некоторых районах страны фактически действует до сих пор.

В основе системы косвенного управления лежало обеспечение экономических интересов метрополии, поэтому британские администраторы сконцентрировали усилия на контроле над ресурсами, налогообложении и создании необходимой инфраструктуры для вывоза продуктов сельского хозяйства и полезных ископаемых. Контроль над местными традиционными лидерами базировался на принципе «разделяй и властвуй». Колониальные власти грамотно управляли противоречиями между многочисленными претендентами на тот или иной «престол». Победивший вождь (эмир, султан и т.п.), избранный с использованием традиционных процедур и ритуалов, обязательно утверждался британским резидентом.

Британцы мало заботились о внутренней политической интеграции колонии, формально закрепив раздел на три региона в рамках федерации. Получив политическую независимость в 1960 г., Нигерия представляла собой государство, состоявшее из трех этнокультурных зон, которые не имели общей истории политического сосуществования или же опыта раздела властных полномочий без участия внешнего арбитра. В то же время в колониальный период в Нигерии, как и в других британских колониях, сформировался своеобразный средний класс, группа образованных людей («интеллигенция», квалифицированные рабочие и служащие, европеизированные торговцы), занимавшая промежуточное положение между колонизатора-

ми и основной частью местного населения. По этническому составу в этой группе преобладали игбо, выступавшие за единство страны (под своим руководством) и смотревшие сверху вниз на необразованных «феодалов Севера», стремившихся закрепить автономию своего региона. В этих условиях страна неминуемо должна была столкнуться с серьезными внутренними противоречиями.

Незадолго до получения независимости от Великобритании, в 1956 г. в районе Олобири в тогдашнем восточном регионе была обнаружена нефть. В первые годы существования независимого государства серьезной экономической роли нефтедобыча не играла. Интересы государства и его иностранных партнеров были связаны с вывозом сельскохозяйственного сырья. Надо отметить, что по отношению к социальной и экономической системе Нигерии нефть тогда была внешним фактором, развиваясь в уже привычной для страны парадигме эксплуатации ресурсов колонии (в рамках системы косвенного управления).

С самого начала нефть искали и добывали не нигерийские компании, а бывшая метрополия в лице англо-голландского консорциума *Shell-British Petroleum*, который имел эксклюзивные права на разработку месторождений; доходы делились в пропорции 50 на 50. К 1966 г. Нигерия (по сути, консорциум, действовавший на территории страны) добывала 420 тыс. баррелей нефти в день.

К участию в разделе природных богатств западноафриканского государства стремились присоединиться Франция, а также частные добывающие компании США. Страны, заинтересованные в доступе к нефтедобыче, строили свои отношения с новой администрацией страны в духе британского косвенного управления, выплачивая ренту правительству и местным традиционным элитам.

С 1960 по 1966 гг. в Нигерии происходило формирование собственной системы договоренностей между интересами региональных элит и принципов доступа к власти, больше не связанных с бывшей метрополией, а с 1963 г. и с британской короной. Формально освоенные еще в колониальный период демократические принципы раздела власти, установления сдержек и противовесов посредством разделения властей, широкого общественного участия для легитимации власти были уже через несколько лет после начала независимого существования страны отброшены в пользу силовых решений. Это положило начало эпохе военных переворотов в истории Нигерии. Приход военных к власти в стране нельзя считать случайностью. В конечном счете, и в колониальный период решающее слово оставалось за британскими администраторами (в основном, воен-

ными), монополизировавшими право применять военную силу или угрожать ее применением.

Необходимо отметить, что именно внешние игроки во многом способствовали разжиганию гражданской войны 1967–1970 гг. Иностранные компании, очевидно, стремились ограничить круг тех, кому необходимо было платить ренту за пользование недрами. Это совпало с желанием элит на местах со своей стороны монополизировать практически «падающие с неба» доходы и сократить число тех, с кем нужно было делиться. Самое активное стремление вывести нефтепроизводящие районы из состава страны выказывала Франция. Это европейское государство использовало лоббистский ресурс католических миссионеров для распространения своего влияния на Востоке страны, где находились все известные тогда нефтяные месторождения. Париж фактически поддерживал сепаратистов, создавших на Востоке республику Биафра. По этническому составу среди руководителей самопровозглашенного государства доминировали игбо.

Не только Франция, фактически разделившая свои бывшие колонии на несколько слабых и зависимых государств, но и другие западные страны «в душе» не возражали против «разукрупнения» Нигерии. Когда началась гражданская война, тогдашний глава государства генерал Якубу Говон (христианин с Севера, представитель т.н. «Среднего пояса») обратился за военной помощью к традиционным союзникам — Великобритании и США — и, к своему удивлению, получил отказ. Обиженный Говон в сердцах сказал послу США, что он теперь готов обратиться хоть к «самому дьяволу». Так далеко, правда, идти не пришлось. Готовность оказать поддержку федеральному правительству в поставках оружия выказал Советский Союз, что дало решающий перевес в борьбе с сепаратистами и обеспечило в конце концов победу центра.

Еще до окончания гражданской войны федеральное правительство осознало необходимость полностью установить свой контроль над нефтедобычей и уничтожить любые финансовые, военные или административные ресурсы для возникновения очагов сепаратизма. Новая система штатов изолировала мятежных игбо в анклав внутри страны, а в прибрежных и приграничных районах, в том числе в дельте реки Нигер, были созданы новые штаты, где этническое большинство не принадлежало игбо. В дельте, населенной большим числом мелких и исторически независимых народов, ни одна этническая группа не могла теперь всерьез претендовать на роль большинства. Тогда это казалось благоприятным условием для развития нефтедобычи; на нефтяные доходы не могла «по праву» претендовать ни одна из крупных этнических групп Нигерии.

После войны центр замкнул на себя все нефтяные доходы и сам занимался перераспределением по штатам, перечисляя в их бюджеты 50% нефтяных поступлений. Армия и полиция были поставлены исключительно под федеральный контроль. Руководство штатов осуществлялось военными губернаторами. Губернатор чаще всего был выходцем из другого района страны и чувствовал себя в большей мере связанным с федеральной властью, чем с местными структурами. Такое положение не могло устраивать традиционных правителей. На Севере местные традиционные элиты активно участвовали в экономической деятельности. Они быстро интегрировались в обновленную политическую систему и могли при необходимости воздействовать на слишком самостоятельных губернаторов. Именно в этот период сложились такие неформальные объединения, как, например, «кадунская мафия». В южных нефтепроизводящих районах страны местная власть, кроме традиционной, практически перестала существовать. Региональные власти в лице губернаторов представляли собой наместников военного правительства и мало способствовали развитию институтов представительства, созданию каналов для обратной связи с населением, да и вообще в малой степени заботились о том, что это местное население думает.

В 1971 г. Я. Говон провел национализацию нефтяной индустрии и создал Нигерийскую национальную нефтяную корпорацию (НННК), с которой обязаны были работать все иностранные участники нефтяного рынка. По новым условиям нигерийская госкомпания получила 60% в деятельности нефтяных компаний, работающих в стране, что позволило Нигерии войти в ОПЕК в том же году; свою современную структуру НННК получила к 1 апреля 1977 г. Корпорация стала основным регулятором нефтяного рынка Нигерии.

К концу семидесятых военная система управления страной дала достаточно позитивные экономические результаты на фоне растущих цен на нефть. Были предприняты серьезные усилия по индустриальному развитию страны. Компании «Пежо» и «Фольксваген» открыли свои сборочные производства в Нигерии. Началась работа по созданию советскими специалистами сталелитейного комплекса в Аджаокуте. Значительные инвестиции шли и в собственно нефтяной сектор.

Однако все это происходило на фоне растущей политической нестабильности. В 1976 г. правительство Я. Говона было свергнуто в результате военного переворота — во многом из-за его просоветских симпатий. Менее чем через год был убит новый военный глава государства, северянин Муртала Мухаммед. К власти пришел герой

гражданской войны генерал О. Обасанджо, представлявший нигерийский Запад (йоруба).

Кроме того, экономический рост 1976–1979 гг. сопровождался ростом недовольства военно-полицейским режимом, ограничениями прав и свобод граждан. Практически неподотчетные военные губернаторы начали активно разворовывать федеральные деньги, составлявшие бюджет штатов, ни в коей мере не заботясь о создании базы для госдоходов на местах. Нефтедоллары постепенно стали фактически единственным источником доходов, ранее процветавший аграрный сектор приходил в упадок. Однако результаты такого развития событий пока не были явными, если не считать очевидной деградации системы железных дорог, которые в прошлом использовались для вывоза сельскохозяйственной продукции к побережью. Кроме того, федеральное правительство сильно урезало долю штатов в нефтяном пироге, с 1975 г. перечисляя им около 20% доходов.

Режим О. Обасанджо в результате внутреннего и внешнего давления принял решение о передаче власти гражданскому правительству. Так возникла т.н. «вторая республика». Страна выбрала своего первого президента — связанного с традиционной элитой и известного на Севере поэта Шеху Шагари.

К несчастью, первый демократический опыт нефтяной эпохи в Нигерии стоит признать провальным. Администрация президента Шеху Шагари, при всех его личных достоинствах, оказалась неготовой к эффективному управлению страной, как только началось снижение доходов от продажи нефти. Нисколько не заботясь о расширении налоговой базы или поиске дополнительных госдоходов, гражданское правительство разбазаривало нефтедоллары со скоростью, которой позавидовали бы военные администраторы. Бюджетный дефицит перекрывался иностранными займами, при этом, похоже, мысли о том, что эти деньги придется возвращать, не допускалось. Коррупция приобрела масштабы эпидемии. Разросшийся госаппарат съедал почти половину ВВП. Таким образом, страна реально столкнулась с «нефтяным проклятием», а уровень компетентности лидеров и сложившиеся традиции управления не позволяли решить возникшие проблемы.

В этот же период окончательно оформилась система совместных предприятий, на долю которых до сих пор приходится 95% всей нефтедобычи в Нигерии. Самой крупной компанией является *Shell Petroleum Development Company of Nigeria Limited (SPDC)*. НННК принадлежит 55% акций, собственно *Royal/Dutch Shell* — 30%, *Total* — 10%, а 5% приходится на *Agip*. Второй по значимости стала компания *Chevron Nigeria Limited (CNL)*, где 60-процентная

доля принадлежит НННК, а 40% приходится на *Chevron. Total Petroleum Nigeria Limited (TPNL)* и *Mobil Producing Nigeria Unlimited (MPNU)* основаны на тех же принципах. Еще одна компания, *Nigerian Agip Oil Company Limited (NAOC)*, принадлежит НННК (60%), *Agip* (20%) и *ConocoPhillips* (20%). *Texaco Overseas Petroleum Company of Nigeria Unlimited* теперь существует как *NNPC Texaco-Chevron Joint Venture*, где 60% приходится на *NNPC*, а по 20% — на *Chevron* и *Texaco*. Расходы и доходы совместных предприятий после вычета роялти и налогов делились соответственно. «Большая шестерка» (*Shell, Chevron, Total, Agip, Mobil* и *Texaco*) получила практически эксклюзивные права на добычу нефти в Нигерии на более чем приемлемых условиях.

Первый нефтяной бум, оставивший после себя неэффективную систему управления, новые дороги и здания министерств (активно строилась новая столица страны Абуджа, расположенная в географическом центре Нигерии), окончился социально-экономическим кризисом. На Севере дело дошло до оживления группировок, выступавших под лозунгами радикального ислама (сказывалось влияние революции в Иране), на Юге активизировались различные течения «вновь рожденных» христиан (адвентисты и др. — за счет сокращения численности англикан) и афрохристианские церкви, а также бандиты, не имевшие особых политических лозунгов.

Всеобщее недовольство ситуацией в стране озвучили военные, совершив переворот, в результате которого к власти пришел генерал Мухаммаду Бухари, также представлявший традиционную элиту Севера. Однако личные счеты среди военного руководства и попытки Бухари жестко бороться с коррупцией (несколько этапов т.н. «войны с недисциплинированностью», включая показательные наказания для госслужащих, опаздывавших на работу) привели к новому военному перевороту. Новым лидером страны стал еще один северянин, генерал Ибрахим Бабангида, чье правление во многом определило состояние Нигерии на последующие годы.

Программа структурных реформ (*Structural Adjustment Plan*), разработанная при содействии МВФ, окончательно подсадила Нигерию на «иглу» международных заимствований. Новый нефтяной бум во время войны в заливе наводнил страну быстрыми деньгами. Нефтяная сфера полностью лишилась какой-либо прозрачности и служила лишь источником обогащения стоявших у руля, перераспределявших доходы среди своих приверженцев. Культура «легких денег», госконтракты, которые не нужно было выполнять, безразличие к будущему страны, — все это легло в основу т.н. «*U SHOP — I SHOP PHILOSOPHY*». Этот взгляд на жизнь предполагал, что в нефтяном



пироге найдется доля для каждого, чтобы обеспечить безбедное существование своей семьи где-нибудь за рубежом. Финансовые махинации и растраты стали нормой жизни, а рассказы об удачных случаях мошенничества заменили героический эпос.

Социальное расслоение в обществе достигло небывалых значений. Более 70% населения находилось за чертой бедности. Практически исчез средний класс. За счет вливания все новых и новых денег в экономику удавалось притушить недовольство, но реальных результатов от таких вливаний было немного. Нефтяной сектор остался единственной реально действующей отраслью промышленности.

Растущее недовольство низов и части элит, которые считали, что они находятся незаслуженно далеко от раздела нефтяных доходов, попытались удовлетворить за счет проведения выборов в июне 1993 г. Однако, когда оказалось, что результаты выборов не устраивают военных (победил Мошуд Абиола, представитель южан-йоруба, поторопившийся провозгласить себя президентом), состоялся новый государственный переворот, в результате которого к власти опять пришел представитель Севера, генерал Сани Абача.

Правительство Абачи отличалось повышенными аппетитами и полным нежеланием прислушиваться к мнению мировой общественности. Против Нигерии были введены санкции, которые, однако, нисколько не затронули нефтяной сектор.

Торговые ограничения окончательно добились экономику страны, тогда как правительство, по большей части, занималось вывозом капитала за границу. Менее чем за 5 лет своего правления С. Абача и его окружение вывезли за границу не менее 12 млрд долл. Большинство промышленных проектов 1970–1980-х гг. были остановлены. Нигерия стала мировым центром финансовых махинаций и наркотрафика. На этом основании было прекращено прямое авиасообщение между США и Нигерией; сильно пострадала репутация нигерийцев за рубежом.

Администрация Абачи концентрировалась на подавлении инакомыслия, пресечении потенциальных переворотов и готовилась к маленькой победоносной войне, получившей кодовое имя «Операция «Гармония»». Гармонизировать предполагалось соседний Камерун вследствие территориальных претензий последнего на полуостров Бакасси. Сам полуостров представлял мало интереса, однако его принадлежность той или стране значительно меняла морскую границу, а следовательно, и означала право добывать нефть на континентальном шельфе. Если бы эти планы реализовались, и без того урезанный камерунский сектор Гвинейского залива сократился бы еще больше.

Падение цен на нефть вкупе с активным давлением США и ряда стран Запада позволили устранить С. Абачу и провести в стране демократические выборы, в результате которых к власти вновь пришел О. Обасанджо (но уже как гражданское лицо).

Развитие Нигерии после перехода к демократическому правлению сопровождалось во многом знакомыми россиянам проблемами. При военных режимах роль государства в экономике была почти абсолютной, и серьезные шаги по либерализации начались только в конце 1980-х гг. при Ибрахиме Бабангиде. Реализация Плана структурных реформ, который был разработан совместно со специалистами МВФ, как и во многих других странах, на начальном этапе принесла столько же, если не больше проблем, чем дивидендов. И прежде чем позитивное воздействие реформ начало реально сказываться на экономике, режим «максимального диктатора» Сани Абачи вновь вернул многое к дореформенному положению. Проведение сверхжесткой линии во внутренней политике середины 1990-х гг. и не всегда приемлемая для Запада внешняя политика стали причиной того, что Нигерия получила статус государства-изгоя, от которого ей удалось избавиться лишь в начале нынешнего тысячелетия.

Разгул коррупции и вывоз капитала привели к тому, что администрации Обасанджо страна досталась в тяжелом положении. Огромный потенциал так и остался потенциалом. Многое пришлось начинать сначала.

Именно поэтому стратегия экономических реформ на 15 лет (*National Economic Empowerment and Development Strategy, NEEDS*), принятая в июне 2004 г., в ряде черт повторяет План структурных реформ, принятый во время правления генерала Бабангиды. Суть программы сводится к обеспечению стабильных условий экономического развития страны, с акцентом на либерализацию экономики, сокращение государственного присутствия за счет роста доли частного сектора и выхода из тени неформальной экономики.

Как и ранее, в качестве одной из основных задач ставится расширение экспортной номенклатуры и максимальный уход от нефтезависимости. На первом этапе нефть должен потеснить газ. Предлагаются значительные усилия для развития экспорта твердых полезных ископаемых, сельскохозяйственных продуктов и промышленных товаров.

Экономическая команда президента Олушегуна Обасанджо планирует выйти на уровень ежегодного роста экономики в 7%, начиная с 2007 г. От государства требуется четкое стратегическое планирование, эффективное исполнение собственных планов и жесткая бюджетная дисциплина. В связи с некоторыми особенностями ниге-

рийской ситуации бюджет будет приниматься раз в три года. Максимальный дефицит бюджета ограничивается 3% ВВП. Также от правительства требуется ужесточить фискальную дисциплину. В то же время государство планирует сократить расходы на содержание аппарата чиновников, что обернется общим сокращением до 40% рабочих мест в правительстве.

На внешней арене экономическое положение диктует три задачи: добиться максимальных списаний по долгам, обеспечить снятие ограничений на экспорт товаров в ряд развитых стран (прежде всего продуктов сельского хозяйства) и привлечь иностранные инвестиции. Приход демократически избранной власти на всех трех уровнях в 1999 г. обострил противоречия, которые долгое время подавлялись военными режимами. В период с 1966 по 1999 гг. нигерийская политическая жизнь строилась вокруг двух векторов борьбы: борьба региональных элит за власть на федеральном уровне и борьба федерального центра против возможного сепаратизма регионов, прежде всего нефтепроизводящих. Была выработана своеобразная система раздела власти, где максимум полномочий забирает сильнейший, однако побежденные также инкорпорировались, получая значительно меньшие доли. Только в исключительных случаях фиксируются примеры ориентации на ликвидацию и уничтожение оппонентов. В течение почти 30 лет примерно одни и те же люди в разных комбинациях представляли собой федеральную власть. Была выработана система пропорционального представительства основных этнорегиональных групп в структурах власти. При этом нефтепроизводящие штаты не имели серьезного политического веса и находились на периферии системы.

С переходом в новое политическое измерение количество «горячих зон» на нигерийском политическом фронте резко возросло. К традиционным направлениям борьбы прибавилась борьба за власть на уровне штатов, борьба за границы округов местного самоуправления и общинных земель, возобновилась борьба за более справедливый раздел нефтяных доходов между центром и нефтепроизводящими районами.

С появлением у населения возможности относительно свободно выбирать глав региональной исполнительной власти, а также депутатов законодательных собраний и реально влиять на судьбу своего штата обострились межэтнические противоречия и в целом политическая борьба внутри штатов. При фактическом отсутствии мониторинга выборов предвыборная борьба обернулась распространением совершенно недемократических способов «агитации».

Современная Нигерия фактически остается страной косвенного управления. Деньги распределяются наверху, с уменьшением сумм в геометрической прогрессии на нижних уровнях. Из нефтяных денег финансируются и традиционные вожди, которым выделяют 5% от отчислений в округа местного самоуправления «их» региона. Кроме того, вожди получают добровольные пожертвования от представителей новой элиты.

Губернаторы находятся на втором уровне пирамиды, наверное, даже выше министров, и идут сразу после президента. При значительных экономических и политических рычагах они больше сталкиваются с реальными людьми внизу. Борьба за власть на уровне штатов жестче. При этом у губернаторов нет собственных легитимных инструментов подавления — полиция и армия подчиняются только федеральному центру.

Поэтому в качестве инструмента подавления власти штатов используют молодежь (в частности, традиционные молодежные отряды, которых много по всей стране) для достижения политических целей — обеспечения удачной предвыборной кампании, запугивания, убийств конкурентов и т.п. По оценкам самих нигерийцев, почти у каждого губернатора есть свои войска, численностью до нескольких тысяч человек, которые выполняют грязную работу.

### **«Юг–Юг»: демократическое строительство в регионах на примере штатов дельты реки Нигер**

С точки зрения целостности страны, особую опасность представляет сепаратизм юго-восточных районов, населенных преимущественно игбо. После гражданской войны, в которой сепаратисты-игбо были разгромлены, началось политическое обособление от бывшего восточного региона т.н. «Юг–Юга» — в противовес Игболенду (Юго-Востоку).

Центр недовольства положением в стране теперь сместился от игбо в «Юг–Юг» (народы иджо, урхобо и др.), в зоне компактного проживания которых велось большинство работ по добыче, складированию и бункеровке нефти. Политические группировки в стремлении получить доступ к контролю финансовых потоков начали ориентироваться на использование насилия, создание организованных преступных сообществ, разжигание межэтнической розни, играя на чувствах обделенности и пренебрежения со стороны властей к народам Дельты.<sup>3</sup>

<sup>3</sup> Имеется в виду дельта реки Нигер.

Политики и крупные бизнесмены стали плотно сотрудничать с местными молодежными отрядами, которые под разными лозунгами и целями получили распространение в середине 1990-х гг., во время активизации борьбы за права малых народов против режима Абачи. Первые серьезные выступления против деятельности транснациональных нефтяных корпораций и федерального правительства были организованы «Движением за выживание народа огони» (*Movement for Survival of Ogoni People, MOSOP*). Его руководитель, известный за рубежом драматург Кен Саро-Вива, и другие лидеры движения были повешены по приказу С. Абачи в 1995 г., несмотря на протесты Великобритании, ЮАР и других стран британского Содружества. После этого Саро-Вива стал символом борьбы за права народов Дельты.

В большинстве случаев местные политики новой формации, представлявшие интересы народов, страдавших от нефтедобычи, декларировали «благие цели» (поддержание правопорядка, защита интересов общины и т.п.). На деле очень часто задачами молодежных отрядов оказывались установление контроля над «серой» стороной нефтедобычи, сбор ренты с контрабандистов и собственно участие в контрабандной торговле нефтью. Зачастую это происходило в сговоре с представителями федеральной армии и полиции, которые также имеют свои интересы в «серой сфере». Ряд групп быстро получили значительное политическое и экономическое влияние (*Egbesu Boys of Africa, Ijaw Youth Council, Niger Delta Volunteer Force, Federated Niger Delta Ijaw Communities*). То, что появилось в качестве ответа режиму Абачи, теперь стало основой для организованной преступности, которая зачастую смыкается как с политическими оппозиционерами, так и с коррумпированными политиками и чиновниками.

Недовольство политическим беспорядком получило дополнительный импульс вследствие ухудшения экологической обстановки в районах нефтедобычи. Варварская добыча нефти в дельте Нигера и у побережья полностью выбила базу из-под рыболовецких общин, не создав новой социальной структуры, которая бы инкорпорировала местных. В Нигерии, например, очень сложно найти свою рыбу, особенно около океана. Норвежская, мавританская, ганская — пожалуйте. А своя? От нефтяных разливов она дохнет.

Углеродная отрасль уничтожила традиционную экосистему, которая более не имела возможности прокормить растущее население. Между тем, нефтяная индустрия не могла заменить традиционные экономические основы местных общин, так как ей просто не нужно такое количество народа. В современной ситуации нефтегазовый сектор, который генерирует огромные доходы, задействует

очень небольшие людские ресурсы и вряд ли может конкурировать с сельским хозяйством или рыболовством в качестве основы социальной стабильности.

Сращение политики, нефтяных денег и отсутствие желания со стороны федерального центра активно решать проблемы дельты Нигера — как при помощи социально-экономических программ, так и силовыми средствами привели к тому, что уже к 2003 г. западные районы дельты Нигера (штаты Дельта и Байелса, в какой-то мере Риверс) в значительной степени контролировались бандгруппами. По разным оценкам, вооруженные формирования насчитывали от 20 тыс. до 80 тыс. человек. Они не только активно участвовали в контрабанде нефти (объем которой оценивается в 4–6 млрд долл. ежегодно), но и приняли весомое участие в выборах 2003 г. Усиливающаяся роль этих неформальных движений начала пугать их политических покровителей.

Один из лидеров бандгрупп, Докубо Асари, сыграл важную роль в победе Питера Одили на выборах губернатора штата Риверс. Докубо возглавил группировку *Niger Delta People's Volunteer Force* (приблизительный перевод — «Добровольные народные силы Дельты Нигера»). Сам Докубо оценивал численность «Добровольных народных сил» в 200 тыс. человек.

Когда позиции Докубо слишком усилились и давать ему еще больше денег стало уже опасно, губернатор Одили нанял альтернативную группу, чтобы решить проблему. Это была группа Атеке Тома, лидера *Niger Delta Vigilante Service* («Служба “народного контроля” дельты Нигера»). Начались бои в Порт-Харкортте и его окрестностях. По существу, речь шла о столкновениях, связанных с трудным процессом формирования национальной организованной преступности. Преимущество оказалось на стороне Докубо. Губернатору пришлось звать на помощь президента Обасанджо, который считал Одили «своим человеком». Конфликт завершился открытым столкновением федеральных войск и отрядов Докубо Асари в 2005 г.

Последствия такой демократизации политической жизни на местах не заставили себя долго ждать. Люди, однажды взявшие в руки оружие, не готовы его сложить в одночасье, в особенности если в регионе не существует более привлекательного способа зарабатывать деньги. Одни и те же вооруженные формирования действовали под разными лозунгами и названиями координирующих их структур как в нападениях на нефтеналивные терминалы компании *Chevron* в районе города Варри в 2003 г., так и в Байелсе в 2005 г. (*Federated Niger Delta Ijaw Communities/Movement for Emancipation of the Niger Delta*). Во все большей степени местные сообщества привыка-

ли к собиранию «ренты за страх» с международных нефтяных корпораций.

Ни одна из систем взаимоотношения добывающих компаний и местных сообществ (раздача «социальных» контрактов *Shell*, передача части функций охраны инфраструктуры местным вооруженным формированиям *Chevron*) не является эффективной. Компании, безусловно, рассчитывают свои социальные программы исходя из того, что нефть на берегу скоро закончится и основной зоной нефтедобычи станет шельф, менее доступный для любых неправительственных сил. Соответственно, количество объектов, которые необходимо охранять на берегу, уменьшится в ближайшие годы. Кроме этого, нестабильность отпугивает конкурентов, поэтому вряд ли компании, давно обосновавшиеся в Нигерии, заинтересованы в полной стабилизации ситуации.

Основная опасность нынешних криминальных разборок заключается в их возможной политизации, при том что в борьбе может и не быть этнорелигиозного компонента. К одному и тому же народу (иджо) принадлежали враждовавшие между собой Асари Докубо и Атеке Том. Атеке тесно сотрудничал, по нашим данным, еще с одной «народно-криминальной» группировкой иджо, «Африканскими парнями из Эгбесу» (*Egbesu Boys of Africa*) из соседнего штата Байелса. За всеми этими молодежными отрядами стоит еще более серьезная структура, созданная, по нашим данным, отставными нигерийскими военными, — «Молодежный совет иджо» (*Ijaw Youth Council*). Вот эта организация, численность которой может достигать 500 тыс. человек, уже в состоянии не только объявить, но и начать настоящую войну против центрального правительства и президента.

Ни федеральное правительство, ни повстанцы не контролируют всей территории Дельты и всех существующих бандгрупп. В несколько упрощенном виде эскалацию насилия в Дельте на фоне изменений правил предоставления лицензий можно представить как игру в злого и доброго полицейских. Нельзя исключить, что обострение конфликта в 2006 г. каким-то образом связано с нежеланием международных корпораций идти на компромисс с нигерийским правительством; как только правительство и западные инвесторы договорятся о новых правилах игры, ситуация в штатах дельты Нигера должна успокоиться. Однако к тому времени западные компании будут контролировать, вероятно, не 100% совместных предприятий по добыче нефти, а только 80%, а то и 65–70%. Остальная часть отойдет новым инвесторам — преимущественно китайским.

Федеральному правительству, по большому счету, была выгодна контролируемая дестабилизация ситуации в нефтедобывающих

районах. Это повышало значимость федеральных структур в обеспечении бесперебойных поставок нефти и облегчало диалог с Западом. При этом нефтедобывающие компании и страны-потребители ставились перед нелегким выбором: четкое следование демократическим принципам или относительная стабильность поставок. Основу политического «Юг–Юга» составляют сравнительно малые народы. Несмотря на свою плохую управляемость и видимую оппозицию центру, они на самом деле являются его стратегическими союзниками и при определенных обстоятельствах могут стать оплотом нигерийской государственности.

С учетом сложившейся ситуации Абуджа была вынуждена пойти на определенные уступки нефтепроизводящим штатам. Теперь 13% от нефтяных доходов сразу идут в казну добывающего штата. Оставшиеся деньги перечисляются в фонд федерации и делятся между тремя уровнями власти в соотношении: 53% — федеральному правительству; 31,1% — в казну штатов; остальное — округам местного самоуправления. Из своей доли федеральное правительство финансирует ряд спецфондов (экологический, фонд развития добывающей промышленности и т.п.). Доходы, свыше запланированных бюджетом, делятся следующим образом: 50% идет в стабилизационный фонд, 50% делится между всеми уровнями власти по вышеприведенной схеме.

По нашим оценкам, трансферты местным бюджетам «нефтяных» штатов Нигерии превосходят средний по стране показатель в 2–5 раз. Так, по нашим подсчетам, бюджеты штатов Нигерии получили в 2006 г. из федерального центра около 15,3 млрд долл. (приблизительно 104 долл. в расчете на душу населения). При этом трансферты штату Байелса составили 509 долл. на человека, штату Риверс — 248 долл. на человека, а штату Дельта — 224 долл. на человека. Это три первые места по стране (из 35 штатов). При этом трансферты такому, например, влиятельному в политическом отношении штату, как Кацина, составили всего 54 долл. в расчете на душу населения.

«Нефтяные регионы», т.е. районы, в которых непосредственно происходит нефтедобыча, получают нефтяные деньги различными способами. Среди них, в частности, формальные и неформальные выплаты местным элитам, выплаты незаконным вооруженным формированиям (рэкет, выкупы и т.п.), официальные трансферты в местные бюджеты и программы самих добывающих компаний.



## Конец эпохи Обасанджо: что дальше?

После нового скачка цен на нефть темпы роста экономики начали обгонять темпы роста населения. Рост ВВП в 2006 г. оценивается приблизительно в 6% при прогнозе на 2007 г. в 7,8% (при сохранении цены на нефть не ниже 40 долл. за баррель). Золотовалютные резервы страны на 8 января с.г. составили 43,5 млрд долл. (крупнейшие в Африке южнее Сахары), при этом Нигерия практически полностью погасила внешнюю задолженность. Уже несколько лет отмечается устойчивый рост ненефтяного экспорта в размере 8–10% ежегодно. Нигерия стала одним из мировых лидеров по объему привлечения иностранных инвестиций.

Специфика нигерийской политики и социально-экономические реалии ни в коей мере не делают страну менее привлекательной для иностранных компаний. Индийский бизнесмен, работающий в Нигерии, объяснял одному из авторов данной главы: «Да, риски есть, и проблем много, но когда наша телефонная компания вышла на нигерийский рынок, норма прибыли составляла 300%. Сейчас, по прошествии нескольких лет, норма снизилась до 50%, но это все равно лучше, чем в других частях света».

Сложившаяся политическая культура далека от демократической. Идеология в деятельности партий ушла на второй план, а результаты выборов определялись договоренностями между элитами. Выбор О. Обасанджо в качестве президента был определен бывшим главой государства И. Бабангидой и крупным южным политиком Т. Анени на встрече в Кадуне, а не во время голосования. Партии представляли собой альянсы, где участники продавали свое региональное влияние в обмен на доступ к федеральным деньгам. При этом только одна партия в период с 1999 по 2006 гг. имела общенациональный формат (правящая Народно-демократическая), тогда как остальные выражали крупные этнорегиональные интересы. Монопольный доступ к нефтяным деньгам позволил О. Обасанджо сфальсифицировать результаты выборов 2003 г., которые, по собственному его признанию, он «может быть, и НЕ выиграл».

Степень прозрачности в нигерийском нефтяном секторе близка к нулю. Несмотря на то, что страна стала активным участником инициативы транспарентности в добывающей промышленности и достаточно успешно проводит аудит предыдущих лет, пока еще мало кто может с уверенностью сказать, сколько нефти реально добывается в Нигерии. Крупные компании часто добывают значительно больше, чем заявляют. Благодаря коррупции и личным интересам

госчиновников Нигерия, одна из крупнейших нефтедобывающих держав, импортировала около 70% потребляемых нефтепродуктов.

До января 2007 г. функции министра нефтяных ресурсов исполнял лично президент Нигерии. Соответственно, он контролировал все движение финансовых потоков и, как стало известно в последнее время, значительная часть средств переводилась на личные счета госчиновников, а также использовалась для обеспечения победы на выборах в 2003 г.

Нежелание отказываться от контроля за финансовыми потоками привело к попытке О. Обасанджо изменить конституцию и остаться на третий срок. Нужно констатировать, что на этот раз демократическая система сработала четко и не допустила фактически нового госпереворота, отвергнув поправки, внесенные администрацией президента. Между тем, это стало тестом для стран-импортеров нефти, многие из которых готовы были поддержать продление срока правления О. Обасанджо как гаранта стабильности в Нигерии.

К положительным моментам стоит отнести либерализацию нефтяного сектора. Операции на внутреннем рынке были в большой степени отданы на откуп частным компаниям, что способствовало появлению сильных местных игроков (*African Petroleum, Oando, Zenon Oil, Conoil* и др.). Также в эту сферу постепенно стали поступать иностранные инвестиции. Количество игроков в собственно добыче нефти выросло в несколько раз. Если в середине 1980-х гг. действовало около 15–20 компаний, то сейчас их уже более 200, причем четверть из них является местными.

С переходом на соглашения о разделе продукции ННК практически удаляется от собственно добычи, все более принимая роль только регулятора рынка и сборщика роялти (попытки ННК выйти на рынки Анголы и Конго кажутся бесперспективными).

Сегодня нигерийские национальные ФПГ во многом похожи друг на друга. Они начинали свое развитие с импорта (продукты питания, оборудование) и торговли, затем занялись производством, строительством, инфраструктурой, а теперь постепенно подбираются к добыче нефти и газа и к энергетике. В Нигерии уже сформировалось поколение предпринимателей, которые, обладая хорошими личными, а зачастую и родственными связями, тем не менее, создали и развивают свои компании, в первую очередь, за счет собственного эффективно управления, привлечения кредитов и т.д.; они готовы вкладывать свои деньги и умеют просчитывать долгосрочные риски.

Наиболее заметные игроки такого уровня: *Oando*, которая принадлежит Вале Тинубу, сыну губернатора Лагоса; *Zenon Petroleum* (владелец — Феми Отедола); *Dangote Group*, которой владеет Алико

Данготе; *Conoil Petroleum* (ее владелец — Майк Аденуга) и ряд других, меньших по размеру.

Как уже говорилось, всего в Нигерии действуют 4 НПЗ. Все заводы принадлежат государству; их планируется приватизировать, кроме того, уже выдано 18 лицензий на строительство НПЗ частным нигерийским компаниям. Oando планирует участвовать в приватизации НПЗ в Порт-Харкоте, а также строит собственный НПЗ в Лагосе. Эта компания управляет сетью газопроводов в районе Лагоса и планирует строительство собственной газовой ТЭС. *Conoil Petroleum* владеет битумными заводами в городах Апапа и Порт-Харкорт. Компании *Zenon Petroleum* принадлежит завод по производству масел и смазок (Апапа, штат Лагос). Феми Отедола заявил о планах инвестировать 100 млн долл. в строительство НПЗ в Лагосе, Эпе или Бадагри (в западном секторе нигерийского побережья). Его партнером по НПЗ является *Transnational Corporation of Nigeria* — государственный инвестиционный холдинг; планируется построить две очереди завода и довести его мощность до 400 тыс. баррелей в день.

Правительство Нигерии стремится использовать благоприятную конъюнктуру нефтяного рынка для поддержки национальных ФПГ. Например, через т.н. *Nigerian Content Policy* («политику нигерийского содержания» или «политику нигеризации»), суть которой заключается в том, что как можно больше работ и поставок в интересах нефтегазового сектора страны должны осуществляться местными компаниями (то есть такими, контрольный пакет в которых принадлежит нигерийцам). Например, на последнем конкурсе по распределению нефтеносных и нефтегазозоносных участков (август 2005 г.) к претендентам предъявлялось требование взять на себя обязательства по освоению как можно большего объема запланированных инвестиций силами нигерийских поставщиков товаров и услуг. В соответствии с тем, какой процент поставок предполагалось отдать нигерийским компаниям, конкурсантам начислялись баллы, которые, наряду с т.н. *signature bonus*, общим объемом предполагаемых вложений и условиями соглашений о разделе продукции, учитывались при выставлении суммарной оценки и определении победителя. В результате у большинства участников объем «нигерийских» заказов в инвестиционных программах составил 45%.

Дорогая нефть дает правительствам возможность проводить экономическую политику, т.е. принимать и реализовывать осознанные решения, направленные на развитие экономики страны. Существуют два основных типа таких «политик», которые могут дополнять друг друга.

Первый тип — решения и действия, направленные на создание добавленной стоимости внутри страны с основой на сам нефтяной (нефтегазовый) сектор. Это может быть строительство нефтеперерабатывающих заводов, трубопроводов или электростанций. Второй тип — это, условно говоря, «национальные проекты», т.е. универсальные государственные инвестиции в инфраструктуру, здоровье, образование, диверсификацию экспорта и продвижение его ненефтяной составляющей.

26 января 2007 г. правительство Нигерии опубликовало данные, согласно которым ненефтяной экспорт страны вырос до 929 млн долл. в 2006 г. (против 749 млн долл. в 2005 г.).<sup>4</sup> Достигнутый успех свидетельствует в целом об эффективной деятельности Нигерийского совета по поддержке экспорта (*Nigerian Export Promotion Council, NEPC*). Однако рост в 2006 г. фактически лишь частично компенсировал падение в 2005 г., а также то, что в расчете на душу населения годовой ненефтяной экспорт Нигерии составляет по-прежнему всего около 6 долл.

Значительные надежды связываются с разработкой газа. Как говорят сами нигерийцы, многие думают, что Нигерия — страна нефти, а на самом деле Нигерия — страна газа, где вдобавок есть немного нефти. Разработка его запасов (около 5 трлн м куб.) даст импульс не только развитию экспортоориентированных производств, но и сможет решить проблему доступа к дешевой электроэнергии. Природный газ Нигерии — в основном, попутный (содержится в месторождениях вместе с нефтью). Соответственно, Нигерия занимает 1-е место в мире по сжиганию газа. До недавнего времени сжигалось почти 100% добываемого газа. Правительство поставило задачу капитализации газодобычи, и к 2005 г. удалось добиться полезного использования уже 57% газа. Для этого строятся газовые электростанции, западноафриканский газопровод, рассматриваются проекты по развитию газохимии и т.п. Мощность единственного в стране завода по сжижению газа в январе 2006 г. была доведена до 17 млн т в год (модули № 4 и № 5). В 2007 г. ожидается введение в строй 6-го модуля, после чего производительность завода достигнет 22 млн т СПГ в год.

Правительство активно старается выторговать более справедливые условия с «большой шестеркой», пытаясь диверсифицировать внешнюю зависимость за счет привлечения китайских, индийских, корейских, бразильских и южноафриканских компаний. Страны Запада, в свою очередь, пытаются создавать в регионе Гвинейско-

<sup>4</sup> This Day (Лагос), 24 января 2007 г.

го залива новые наднациональные структуры, а также пользоваться субрегиональными экономическими организациями с тем, чтобы передать им функции обеспечения безопасности в районах нефтедобычи и регулирования режимов внешней торговли.

Подводя промежуточные итоги нефтяной эры в нигерийской истории, нужно сказать, что нефтяной сектор не смог стать двигателем социального развития страны. На протяжении почти 50 лет нефтяные доходы финансировали раздутый госаппарат и полностью выбили у местной власти желание собирать налоги, кроме угледородной ренты, а также заниматься последовательным развитием инфраструктуры, сельского хозяйства, промышленности. Тем не менее, у Нигерии есть хорошие шансы сначала продолжить диверсификацию своей экономики как за счет расширения круга участников рынка добычи, так и за счет газодобычи. В перспективе можно рассчитывать, что эти доходы способствуют развитию и других отраслей — прежде всего добывающей промышленности.

Огромные финансовые ресурсы, сконцентрированные на федеральном уровне, привели к многочисленным попыткам монополизировать доступ к ним той или иной политической или этнорегиональной группой. Даже после начала демократизации в 1999 г. ситуация в корне не изменилась, но поменялись средства. При этом рост недовольства в системе и активизация борьбы за власть совпали с пиковыми (максимальными и минимальными) значениями цен на нефть.

Грабительское отношение к экономике страны и силовые переходы власти исказили представление руководства страны и госаппарата о своих задачах. Принципы последовательного строительства государства на основе достижений предыдущего правительства были отвергнуты. Каждая новая власть все начинала как будто с нуля. Соответственно, Нигерия не далеко ушла по своим социально-экономическим показателям от 1960 г.

Демократизация способствовала эскалации этнорелигиозных конфликтов и противоречий на фоне обострения политической и экономической конкуренции. Наличие нефтяных финансовых ресурсов, сконцентрированных в одной отрасли, обострило борьбу между уровнями власти.

В Нигерии растет поколение, которое вследствие варварской неокolonизации выключено из реальной сферы экономики. Оно привыкло жить на подачки и жить шантажом. Недавний пример — около Аджакуты «Сименс» строит электростанцию. Пришла молодежь и сказала: «Вы и *Ajaokuta Steel* должны нам денег и работу». Асоциальные элементы, живущие грабежом, кражей людей и подачками,

не способствуют улучшению инвестиционного климата. Но пока это выгодно и элите, и компаниям — и дешевле, и меньше тех, с кем надо делиться.

И все же, подводя итоги двух сроков «гражданского» президентства генерала Обасанджо, стоит отметить ряд позитивных моментов. Хотя до решения социальных проблем и далеко, тем не менее, наметились позитивные сдвиги в социально-экономической ситуации в стране. Количество нигерийцев, живущих за чертой бедности, по оценкам Центробанка Нигерии, снизилось до 54%. При этом нефтепроизводящие районы имеют лучшие показатели: около 40% их жителей живут менее чем на 1 долл. в день, по сравнению с 60% на северо-западе страны или 70% на северо-востоке. Уровень бедности в самом проблемном штате — Байелса — вообще не превышает 20%. В страну идет и неформальный финансовый поток из диаспоры, только денежными переводами от родственников из-за рубежа нигерийцы получают в год около 12 млрд долл.

Однако до того, как реальные результаты этой позитивной динамики смогут реально сказаться на жизни людей, необходимы еще как минимум 5–7 лет последовательной работы. Здесь встает самый главный вопрос: сможет ли страна обеспечить мирную передачу власти новому президенту и продолжить реформы? Хотя бы формальное уважение к процедуре и позитивное влияние принципа разделения властей сегодня очевидны. Вариант военного решения вопроса передачи власти теперь возможен только в случае введения в стране чрезвычайного положения в связи с ситуацией в дельте Нигера, однако это представляется пока маловероятным.

## Нефть и нефтяные деньги Анголы

По объемам добываемой нефти (около 1,4 млн баррелей в день в 2006 г.) Ангола занимает второе место в Африке южнее Сахары после Нигерии.

По данным *BP*, запасы нефти в Анголе оцениваются в 1,2 млрд т на конец 2005 г. (9 млрд баррелей). Оценка *OGJ* на январь 2007 г. — 8 млрд баррелей. При нынешних темпах добычи этого объема должно хватить на 15–20 лет добычи, что считается приемлемым уровнем для стабильного развития отрасли. Отметим при этом, что объем доказанных резервов в Анголе стабильно растет. По оценке *BP*, в 2000 г. он составлял 6,0 млрд баррелей, а в 1995 г. — 3,1 млрд, т.е. за 10 лет объем доказанных запасов вырос в 3 раза. С точки зрения статистики (динамика запасов и добычи), Ангола, безусловно, является

самой благополучной страной Западной Африки и одной из самых благополучных в мире.

В ближайшее время позитивная динамика сохранится и даже ускорится. По прогнозам *EIA*, после ввода в строй добывающих мощностей на глубоководных месторождениях в 2008 г. добыча нефти в Анголе должна достичь 2 млн баррелей в день, что будет сопоставимо с показателями Нигерии при том, что население Анголы (12 млн человек) меньше нигерийского примерно в 15 раз. Прогноз Всемирного банка (декабрь 2006 г.) указывает, что уже открытые месторождения позволят Анголе достичь уровня добычи 2,6 млн баррелей в сутки к 2011 г.

Около 2/3 ангольской нефти добывается на двух блоках месторождений — 15 (глубоководный, около 550 тыс. баррелей в день) и *Zero* (шельф, Кабинда, около 370 тыс. баррелей в день). Все права на месторождения принадлежат государственной компании *Sonangol*, иностранные инвесторы работают в стране на условиях СП или СРП. Основные партнеры *Sonangol* в сфере добычи — *BP*, *Chevron*, *ExxonMobil*, *Total*. Оператор крупнейшего блока 15 — *ExxonMobil* (40%), другие участники — *BP*, *Eni* и норвежский *Statoil*.

До середины 1990-х гг. около 80% всей нефти Анголы добывалось на шельфе небольшого анклава (точнее, эксклава) Кабинда, который отделен от основной части Анголы территорией Демократической Республики Конго. Основным оператором месторождений Кабинды является американская *Chevron* (теперь — *ChevronTexaco*). До сих пор отношения Кабинды и центрального правительства напоминают отношения колонии и метрополии, с поправкой на то, что метрополия, превосходящая свою колонию по численности населения в десять раз, а по площади — в сто, живет почти исключительно за счет колонии.

Кабинда отделена от Анголы не только из-за особого географического положения. По языку, истории, культурным и родственным связям население Кабинды намного ближе к своим соседям в Демократической Республике Конго и Республике Конго, чем к основному населению Анголы (амбунду и овимбунду), сосредоточенному в центральной части страны. До конца девятнадцатого века нынешняя Кабинда была частью «королевства» Лоанго с центром в современной Республике Конго. После закрепления территории за Португалией у местного населения появилось этнорегиональное самосознание, отличающее жителей Кабинды от соседей-«франкофонов».

Все население Кабинды принадлежит к этнической общности баконго, другая часть которого проживает в том числе и на севере «основной» территории Анголы. Отношения баконго с центральным

правительством в Луанде традиционно складываются неоднозначно; в течение многих лет ангольские политики-баконго, создавшие движение ФНЛА, претендовали на лидерство в стране. В то же время и до, и после провозглашения независимости Анголы в 1975 г. ФНЛА не доминировало в политической жизни Кабинды (в отличие от населенного баконго собственно ангольского Севера, где господство ФНЛА было бесспорным); в эксклаве действовали и отряды движения МПЛА, позднее захватившего власть в Луанде.

На фоне описанных выше культурно-исторических обстоятельств нефть в Кабинде сыграла роль катализатора сепаратистских настроений. В свою очередь, центральное правительство должно было приложить максимум усилий, чтобы обеспечить суверенитет над территорией эксклава. Для этого просоветскому правительству в Луанде пришлось пойти на негласное соглашение о нейтралитете с нефтяными корпорациями, работавшими и работающими в Кабинде, — прежде всего с американской *Chevron*.

В результате в годы войны в Анголе сложилась парадоксальная ситуация. Советский Союз поддерживал правительство в Луанде; США — не так явно и, в основном, через ЮАР — боевиков УНИТА, боровшихся с «коммунистами». В то же время близкая руководству США *Chevron* добывала на «коммунистической» территории нефть и платила отчисления в бюджет Анголы, воевавшей против УНИТА при помощи советских военных специалистов. За поддержанием порядка в Кабинде ангольским вооруженным силам помогал следить кубинский военный контингент, присланный Фиделем Кастро на помощь братскому народу Анголы. Таким образом, кубинские военные были непосредственно вовлечены в обеспечение безопасности добычи на объектах *Chevron*. «Американские нефтяники под охраной кубинских военных» производили, по словам очевидцев, неизгладимое впечатление на советских нефтяников, посещавших с дружественными визитами Кабинду. В отличие от США, СССР не извлекал из своей деятельности в Анголе прямой экономической выгоды, хотя помощь «сусу» (так ангольцы называли советских специалистов) правительству МПЛА способствовала укреплению потенциально полезных дружественных связей.

С 1975 г. в Кабинде действует сепаратистское движение Фронт освобождения анклава Кабинды (*Frente de Libertação do Enclave de Cabinda, FLEC*). ФЛЕК провозгласил независимость территории, но реально ее полностью не контролировал, не говоря уже о морских месторождениях. По многим заслуживающим доверия свидетельствам, сепаратисты финансировались французскими спецслужбами и компанией *Elf*. Соответственно, снижение активности ФЛЕК и его



распад во второй половине 1990-х гг. стоит, видимо, связывать с прекращением французской помощи.

В 2004 г., на съезде в Голландии, был воссоздан единый ФЛЕК. Тогда же был основан «Форум Кабинды за диалог» (*Forum Cabindese para o Diálogo, FCD*) в качестве отдела ФЛЕК по внешним связям, в том числе с Анголой, и его председателем стал генеральный секретарь Фронта Антониу Бенту Бембе. Именно Бенту Бембе выдвинул идею начать прямые переговоры о статусе Кабинды с правительством Анголы. Несмотря на то, что в 2006 г. после длительных переговоров было объявлено о взаимовыгодном решении проблемы в процессе переговоров, вряд ли вопрос с сепаратистскими настроениями в Кабинде (а также выражающими эти настроения незаконными вооруженными формированиями) удастся решить в ближайшее время.

В то же время решению проблемы Кабинды может способствовать то, что начиная со второй половины 1990-х гг. разрушается своеобразная «монополия» шельфа Кабинды на нефтедобычу страны. Крупные залежи углеводородов открываются уже напротив «основной» части побережья — к северу от Луанды. В 1998 г. было разведано крупнейшее офшорное месторождение нефти *Girassol* («Подсолнечник»). По некоторым оценкам, *Girassol* — одно из крупнейших нефтяных полей мира. Возможно, это преувеличение, однако, по различным данным, запасы *Girassol* составляют 120–160 млн т. Оператором *Girassol* стала компания *TotalFinaElf*. Не исключено, что «Подсолнечник» явился своеобразным «отступным» для французов в обмен на отказ от поддержки повстанцев в Кабинде. В дальнейшем близ этого месторождения были открыты ряд других, которые также получили цветочные названия: *Jasmin*, *Orchid*, *Camellia*, *Rose*. *Girassol* и иные «цветы» находятся в административном подчинении провинции Зайре, населенной ангольскими баконго.

Ангола занимает второе место в Африке к югу от Сахары по добыче нефти, однако вся нефтеперерабатывающая промышленность состоит из одного небольшого завода. Завод *Fina Petróleos de Angola* находится в Луанде и контролируется компанией *TotalFinaElf* (61%), 36% акций принадлежат госкомпаниям *Sonangol*, еще 3% — мелким частным акционерам. Завод в Луанде — исторически первый НПЗ в Тропической Африке — открыт в 1958 г. бельгийской компанией *Petrofina*. В 1982 г. был восстановлен после диверсии. В 2003 г. реальный объем переработки составил, по данным *EIA*, 1,65 млн тонн нефти, 85% установленной мощности. Основной объем поставок — на внутренний рынок (*Total* занимает ключевое положение в дистрибуции). Завод практически целиком покрывает потребности внутреннего рынка (сжиженный бутан, газолин, авиационный и автомобильный

бензин, бункерное топливо, газойль, асфальт и мазут), небольшая часть нефтепродуктов экспортируется. Установленная мощность завода — 2 млн тонн, планируется ее расширение до 3 млн тонн. Согласно плану модернизации, из трех модулей один будет закрыт, а два — расширены.

Правительство Анголы заявляет о намерении построить новый крупный (10 млн тонн) НПЗ в городе Лобиту, также на побережье. Предполагается, что госкомпания *Sonangol* получит 50% акций нового предприятия, 20% отойдут иностранному техническому партнеру, 20% — иностранному финансовому партнеру, 10% будут распределены среди компаний стран-членов региональной организации *SADC*.

80% продукции завода в Лобиту предполагается экспортировать. Дата начала строительства несколько раз переносилась. *Sonangol* декларирует готовность вложить от 3 до 5 млрд долл. (в 2002 г. все необходимые инвестиции оценивались в 3,6 млрд долл., и завод планировалось запустить в 2006 г.). Несколько лет назад наиболее реальным претендентом на роль иностранного финансового партнера была французская *Technip*.

С экономической точки зрения, строительство этого НПЗ в ближайшее время нецелесообразно. Лобиту находится слишком далеко от крупнейших месторождений страны. Нефть придется или возить морем, или строить специальную ветку нефтепровода. Идея обусловлена, вероятно, желанием правительства распределить экономическое благополучие по территории страны: от нефтедобывающего Севера к отсталому Югу. В районе Лобиту, кроме того, во время войны были сильны позиции группировки УНИТА, и если бывшие бойцы не найдут работу, они еще могут вернуться к оружию.

В то же время и в самой Анголе перспективы сбыта нефтепродуктов не очевидны. Развитие гидроэнергетики (строятся несколько станций) ограничивает потребление дизельного топлива промышленности, а дальнейшее расширение автопарка ограничено состоянием дорожной сети — как в Луанде (там сосредоточено около 1/3 населения), так и по всей стране.

Тем не менее, инвестиционное решение по заводу было принято в марте 2006 г., и теперь его запуск намечен на 2010 г. Иностранные партнеры проектом так и не заинтересовались ввиду его коммерческой бесперспективности, однако годы дорогой нефти позволили ангольской госмонополии накопить достаточные собственные ресурсы для реализации подобного проекта. В случае успеха, НПЗ в Лобиту может стать третьим по величине в Африке после заводов в Сикк-

де (Алжир) и Рас-Лануфе (Ливия). Строить его будут, скорее всего, китайские компании.

Гражданская война в Анголе прекратилась в 2002 г., причем — редкий случай в мировой и африканской практике — прекратилась полностью. То есть после ликвидации лидера вооруженной оппозиции Жюнаса Савимби его ближайшее окружение пошло на заключение мирных соглашений с законной властью, и условия этих соглашений в целом соблюдаются обеими сторонами.

Гражданская война длилась 30 лет. Война, вопреки желаниям ее организаторов, способствовала интеграции ангольского общества, в частности, благодаря вынужденным внутренним миграциям. Многолетний конфликт нанес очень серьезный ущерб инфраструктуре страны. Парадоксальным образом этот фактор также имеет некоторые плюсы с точки зрения расходования дополнительных доходов от экспорта нефти: ангольская экономика обладает повышенной инвестиционной емкостью, может «впитать» большие, по сравнению с другими, не разрушенными войной, странами объемы инвестиций.

Основными направлениями государственных инвестиций, помимо уже упомянутой нефтепереработки, являются инфраструктурные проекты. Прежде всего — строительство электростанций, линий электропередачи, автомобильных и железных дорог.

Например, железные дороги Анголы (*Caminhos de Ferro de Angola*) не представляют собой единой сети. Существуют три отдельных друг от друга линии, вытянутые в широтном направлении,<sup>5</sup> общей протяженностью 2761 км. Движение в 2005 г. осуществлялось только на 850 км протяженности дорог. Важнейшей веткой является Бенгельская железная дорога, по сути, являющаяся частью транс-африканской межконтинентальной магистрали, от Индийского к Атлантическому океану (Лобиту — Дар-эс-Салам/Бейра). В восстановлении движения по этой дороге заинтересованы, помимо собственно Анголы, Замбия и Демократическая Республика Конго. В апреле 2005 г. Замбия и Ангола подписали меморандум о взаимопонимании по вопросу о восстановлении железнодорожной связи между странами. В 2000 г. принята государственная программа *Ango Ferro*, которая предполагает инвестиции в объеме 4,5 млрд долл. Программа предусматривает реконструкцию и сооружение 3100 км железных дорог, 36 мостов (только на Бенгельской железной дороге), более 200 новых станций.

Стоимость восстановления всей инфраструктуры (не только железнодорожной), разрушенной войной, оценивается правительством

<sup>5</sup> Зайцев В. Железные дороги Анголы. Информационно-аналитическая справка НП «Росафрэкспертиза». М., 2006.

Анголы в 60 млрд долл. По существу, в эти 60 млрд долл. можно оценить разницу между допустимым (с точки зрения инфляции, перегрева экономики и т.п.) объемом инвестиций в реальной Анголе и идеальной (если бы страна не была разрушена войной).

Главной для правительства проблемой, как и в большинстве других стран Африки, является безработица. Страна, получающая около 30 млрд долл. в год за счет эксплуатации своих природных ресурсов, не может пока найти достойного применения на мировом рынке своему населению. Между тем, от эффективности решения вопроса занятости зависит дальнейшее сохранение мира в стране. Участники оппозиционного движения УНИТА, 5 лет назад сложившие оружие, пока ищут себе применение в мирной жизни, и задача правительства заключается в том, чтобы помочь им.

Поэтому и инфраструктурные проекты (на которые пойдут нефтяные деньги) стоит рассматривать в контексте проблемы занятости населения. Кроме нефти и алмазов, у Анголы нет других существенных ресурсов или товаров, за счет которых можно было бы диверсифицировать экспорт. Поэтому и развитие инфраструктуры вряд ли может быть рентабельным в кратко- или среднесрочной перспективе.

Решение социальных проблем за счет создания новых рабочих мест (в строительстве, например), а также за счет проведения дорог и электричества в отдаленные районы страны может быть более разумным, эффективным решением, чем простое дотирование провинций из центра или финансирование бывших полевых командиров УНИТА с целью поддержания их лояльности.

В то же время дотирование населения в ангольских условиях, особенно населения районов, наиболее депрессивных и пострадавших от войны, позволит нефтяным деньгам остаться внутри страны, работать на развитие внутреннего рынка, что в долгосрочной перспективе должно оздоровить экономику. При реализации инфраструктурных проектов гораздо больший объем средств уйдет за границу, прежде всего в те же страны, откуда эти средства пришли (т.е. в страны, импортирующие ангольскую нефть) — как легально (в виде подрядов, заказов, оплаты консультаций и т.п.), так и нелегально. Коррупция при распределении дотаций внутри страны также позволит большей части средств все же оставаться в Анголе.

Разведанные запасы газа в Анголе незначительны — около 60 млрд м куб. Это примерно в 85 раз меньше, чем, например, в Нигерии. Однако ресурсы (недоказанные запасы) могут быть значительнее — до сих пор у компаний, работающих в Анголе, не было мотивов ставить газовые запасы на баланс ввиду их абсолютной не-

ликвидности в ангольских условиях. В стране нет ни экспортной инфраструктуры, ни внутреннего рынка газа. Газ используется только для обратного закачивания в нефтяные скважины (с целью повышения их дебита) либо сжигается.

Консорциум инвесторов, однако, планирует построить в Анголе завод по сжижению природного газа мощностью около 5 млн тонн в год. Всех нынешних запасов должно хватить на 10–15 лет работы такого завода — при гипотетическом условии, что газ для него будет транспортироваться со всех ангольских месторождений, что вряд ли реально. Таким образом, можно заключить, что инвесторы (прежде всего *ChevronTexaco*, оптимистично оценивают возможности по наращиванию запасов путем разведки месторождений.

Проект предусматривает строительство завода в порту Соёо на севере страны. В консорциум инвесторов вошли *ChevronTexaco* (США, 32%), *Sonangol* (ангольская госмонополия, 20%), *Norsk Hydro* (Норвегия, 12%), *BP* (Великобритания, 12%), *Total* (Франция, 12%) и *Exxon-Mobil* (США, 12%). Оператором завода будет лидер консорциума — американская *ChevronTexaco*. Отметим, что ангольский завод может стать первым подобным объектом на континенте под управлением именно американской компании. Первоначально завод предполагали строить близ столицы страны Луанды, но затем проект был перенесен ближе к запасам газа, в северную провинцию Зайре. Первая очередь завода будет состоять из одного модуля, рассчитанного на переработку около 6 млрд м куб. газа в год (5 млн тонн). Объем необходимых вложений на этом этапе — 5 млрд долл.

В декабре 2006 г. Ангола официально присоединилась к ОПЕК и стала вторым представителем Африки южнее Сахары среди двенадцати участников организации.<sup>6</sup> Решение было принято на 143-й встрече стран-участниц ОПЕК в Абудже (Нигерия) и вступило в силу 1 января 2007 г.

Инициатором приглашения Анголы стал Олушегун Обасанджо — президент Нигерии, страны-председателя ОПЕК. Вхождение Анголы в ОПЕК может быть интерпретировано по-разному. С одной стороны, Ангола — надежный партнер США и ее вхождение в ОПЕК может означать лишней «проамериканский» голос в организации. С другой стороны, нефтяная политика самой Анголы может сменить вектор с проамериканского на более независимый. Например, за счет уже идущего полным ходом развития связей с Китаем.

---

<sup>6</sup> См. Маслова А. Ангола официально присоединилась к ОПЕК // Архив оценок НП Росафрозэкспертиза, 14 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.af-ro.com/index.php?productID=252>.

Еще 3–4 года назад Ангола заверяла США, что не будет вступать в ОПЕК и останется для США надежным источником импорта нефти. При этом экспорт сырой нефти из Анголы в США продолжает расти: если в 2000 г. он составил более 110 млн баррелей, то в 2005 г. — уже 170 млн (данные *EIA*). Тем не менее, планы Вашингтона создать «атлантическое кольцо» стран-производителей нефти из западноафриканских государств, лояльных США и не входящих в ОПЕК, теперь вряд ли осуществляются.

Пока Ангола соблюдает политический паритет: по состоянию на ноябрь 2006 г. 477 тыс. баррелей в день поставлялось в Китай, 473 тыс. баррелей — в США, по данным *EIA*.

Важную роль в окончании войны сыграла поддержка официального правительства Анголы (ранее просоветского) со стороны нефтяных лобби в США и Израиле, а также израильского лобби в США. Они рассматривали Анголу как важный источник нефти на мировом рынке, никак не связанный (в отличие, например, от Нигерии) с «исламским фактором».

В свою очередь, Ангола поддержит стремление Израиля быть представленным во всех структурах ООН, связанных с решением проблем Ближнего Востока — например, в комиссии ООН по правам человека. Государственное информационное агентство *Angola Press* сообщило об этом 1 октября после того, как Анголу посетил Х. Энгелхард, помощник по Африке заместителя министра иностранных дел Израиля.

Деловые и политические связи Анголы с Израилем, хотя и имеют сравнительно недавнюю историю, развиваются весьма динамично. Существует стратегический интерес Израиля к Анголе, который объясняется, в основном, двумя причинами. Во-первых, ролью, которую Ангола играет на американском рынке нефти. Рост поставок из Западной Африки в США снижает зависимость Вашингтона от арабской нефти, а значит, играет на руку Израилю. Во-вторых, Ангола интересна Израилю как один из мировых центров добычи алмазов. Например, израильские бизнесмены и спецслужбы сыграли важную роль в вытеснении из Анголы компании *De Beers*.

Другой аспект внешней политики Анголы, связанный с нефтью, — это соперничество с ЮАР за лидерство в регионе Южной Африки. Экономический и политический потенциал стран несопоставим, но у Анголы есть один важный козырь. У ЮАР нет нефти, а у Анголы — есть. Собственно, для Анголы речь идет, скорее, не о борьбе за лидерство, а о борьбе с монополией на лидерство в ЮАР. «Лидерство» Анголы в *SADC* (Сообщество развития стран юга Африки) в какой-то мере можно сравнить с положением Украины в СНГ —

вечный № 2. Разница только в том, что Ангола практически никак не зависит от ЮАР экономически, особенно после сокращения объемов операций *De Beers* в Анголе и ухода самой *De Beers* из ЮАР в Лондон. ЮАР, в свою очередь, опасается зависеть от Анголы и закупает нефть в Саудовской Аравии и Нигерии, но не у своих ближайших соседей.

Такая ситуация вряд ли продлится долго. Южноафриканские компании обязательно придут в Анголу, а ангольская нефть (возможно, и ангольские инвестиции) придет в ЮАР. В настоящее время идет политический торг об условиях регионального стратегического компромисса. От того, чем и когда закончится этот торг, зависит, в частности, и судьба упомянутого выше крупнейшего и новейшего НПЗ в Африке к Югу от Сахары, который планируется построить в Лобиту. Проект НПЗ, финансировать который готова госкомпания *Sonangol*, рассчитан на «рынок *SADC*». А рынок *SADC* — по существу, эвфемизм «рынка ЮАР»; успех сбыта в ЮАР будет зависеть в том числе от политических отношений между двумя странами.

## «Нефтяные эмираты» Гвинейского залива

«Нефтяными эмиратами» Гвинейского залива в последнее десятилетие часто называют все нефтедобывающие страны региона, кроме Нигерии. Это название, данное по аналогии с государствами Персидского залива, кажется особенно удачным применительно к таким странам, как Габон, Экваториальная Гвинея, Республика Конго и, в краткосрочной перспективе, Сан-Томе и Принсипи (это островное государство пока получает доходы только от продажи прав на разведку и добычу углеводородов). «Нефтяные эмираты», расположенные между Камеруном и Анголой, отличаются от своих соседей не столько по площади или религии, сколько по численности населения (примерно 4 млн в Республике Конго, 1,5 млн в Габоне, 500 тыс. в Экваториальной Гвинее, менее 200 тыс. в Сан-Томе и Принсипи), в то время как в Анголе живут более 13 млн, в Камеруне — 16 млн, а в Нигерии численность населения давно перевалила за 100 млн человек.

Демографическую ситуацию в регионе нельзя назвать вполне благополучной. В колониальный период местного населения явно не хватало для ведения плантационного хозяйства, да оно к нему часто и не стремилось. После провозглашения политической независимости все страны региона стали жертвами ускоренной урбанизации и разбухания госсектора. По разным причинам к коренному населению

езде, кроме Сан-Томе и Принсипи, прибавились значительные по численности группы иностранцев — беженцы, законтрактованные рабочие, жертвы торговли людьми (чаще всего женщины и дети) и прочие легальные и нелегальные мигранты. Сегодня иностранцы доминируют в нефтегазовом секторе, где местные жители представлены слабо, в основном коррумпированными чиновниками.

Наплыв чужаков повсеместно вызывал рост ксенофобии на национально-государственном уровне, ранее совершенно не известной из-за специфики этнической и политической истории региона. Этническая ситуация в малых странах Гвинейского залива за последние несколько столетий, и особенно в XIX в., сильно изменилась. Кажущаяся стабильность этнических («клановых», «племенных») территорий и границ от юга Камеруна до Республики Конго слабо связана с относительно недавней исторической реальностью и в значительной мере представляет собой продукт деятельности колониальных чиновников и христианских миссионеров. Только после европейского завоевания и раздела региона приостановился миграционный поток в южном направлении. В этом потоке особую роль играло перемещение родственных народов (фанг, булу, бети) с территории современной Центральноафриканской Республики и из соседних районов Камеруна, сопровождавшееся ассимиляцией, оттеснением или истреблением аборигенов лесной зоны.<sup>7</sup> Все государственные границы, разделившие народы региона, были проведены в колониальный период.

В наши дни население таких стран, как Экваториальная Гвинея, Конго, Габон, относительно однородно по языку (доминируют языки банту), однако отношения между этносами по-прежнему далеки от взаимопонимания. Противоречия между региональными политическими группировками получили форму конфликта между «правящими» и «оппозиционными» народами — батеке и фанг в Габоне, фанг и буби в Экваториальной Гвинее, батеке и баконго в Республике Конго. В Конго конфликт перерос в гражданскую войну, которая выглядела как столкновение между этносами — в частности, между батеке и баконго.

Со сложной этнической ситуацией связана дискуссия относительно происхождения государственных лидеров, типичная для современной политической жизни региона. Например, нынешнего президента Габона оппозиция обвиняла в том, что он конголезец, а президента Экваториальной Гвиней — в том, что он габонец.

---

<sup>7</sup> Athanase Bopda. De l'usage de fonds mythiques dans les remaniements territoriaux en Afrique et au Cameroun // Cahiers de Géographie du Québec. Volume 45, № 126, décembre 2001. P. 469.



Общим для Габона и Экваториальной Гвинеи, как и для южных районов Камеруна,<sup>8</sup> можно считать «фактор фанг». Группа народов фанг переселялась к побережью Гвинейского залива на протяжении XIX в.; в тот период и жители побережья, и европейцы считали фанг воинственными дикарями-каннибалами. Единству всех фанг способствовал запрет на браки между представителями одного «клана». В материковой части современной Экваториальной Гвинеи фанг почти полностью ассимилировали или уничтожили другие народы; на острове Биоко, где находится столица страны, этот процесс продолжается и в наши дни. В Габоне ситуация складывалась иначе. Фанг — самая большая по численности этническая группа Габона, но не абсолютное большинство населения, как в Экваториальной Гвинее. Первый президент Габона Леон Мба представлял одну из прибрежных групп фанг. После смерти Леона Мба власть в Габоне перешла к батэке, то есть к абсолютному меньшинству, тесно связанному с соседней Республикой Конго (Конго-Браззавиль). Неудивительно, что сегодня габонские политики из числа фанг относятся к числу наиболее активных оппозиционеров по отношению к правительству Омара Бонго, которого они называют «фангофобом».

Политические судьбы малых стран Гвинейского залива складывались по-разному. Долше всего сохранялось колониальное правление Португалии, несколько меньше — Испании, в 1960 г. получили формальную самостоятельность бывшие французские владения. В период независимого развития Габон и Камерун ориентировались только на Запад, а в Сан-Томе и Принсипи, как и в бывшей Народной Республике Конго, до падения СССР победила так называемая социалистическая ориентация. Экваториальная Гвинея и в этом отношении оказалась наиболее самобытной страной региона, напоминая, скорее, Северную Корею, чем какое-либо из соседних государств.

Несмотря на различия в идеологии и обращение за помощью к разным внешним силам, включая Францию, США и СССР, будущие «нефтяные эмираты» Гвинейского залива продолжали поддерживать между собой тесные и даже семейные отношения. Лучшим примером таких отношений, безусловно, было создание «семейного блока», в который вошли Республика Конго и Габон, когда Эдит Люси Сассу-Нгессо, дочь президента Конго, «марксиста-ленинца» Дени Сассу-Нгессо стала женой прозападного президента Габона.

---

<sup>8</sup> В Камеруне фанг и близкородственные им этнические группы (булу, бети) составляют значительную часть населения Южной провинции и других районов юга, включая столицу страны Яунде. К булу принадлежит и президент Камеруна Поль Бийя (у власти с 1982 г.).

Почти все малые страны Гвинейского залива сегодня находятся под властью политических руководителей того типа, который можно назвать традиционно-постколониальным. На Западе таких правителей (в СМИ их часто именуют «динозаврами») принято высмеивать и осуждать за причуды и деспотизм, при этом на деле сохраняя с ними самые дружеские отношения. К числу «динозавров» относятся президент Габона Аль-Хадж Омар (Альбер) Бонго, правящий с 1967 г., президент Экваториальной Гвинеи Теодоро Обианг Нгема Мбасого (с 1979 г.); по существу, мало отличается от них и президент Республики Конго Дени Сассу-Нгессо, правивший в 1979–1991 гг. и снова с 1997 г. Только в Сан-Томе и Принсипи после 1991 г. у власти находились демократически избранные лидеры.

Специфика политической ситуации в большинстве стран региона хорошо отражается в индексе экономической свободы, который ежегодно составляет американская *Heritage Foundation*. Все страны, управляемые президентами традиционно-постколониального типа, в 2006 г. были оценены *Heritage Foundation* как «в основном несвободные». Исключением, вероятно, можно считать только Сан-Томе и Принсипи, но эта маленькая страна даже не была учтена в индексе.

В политической жизни региона активно участвуют внешние силы, прежде всего Франция и США, представленные «своими» государственными и частными компаниями. Во внутренних конфликтах американские и французские интересы, как правило, являются противоположными. Это было особенно заметно во время гражданской войны в Республике Конго. Ни Франции, ни США пока не удалось поставить регион под полный контроль, а тем временем становится все заметнее проникновение сюда компаний других стран — в частности, Китая, Индии, Бразилии и Малайзии. В качестве активных региональных игроков выступают также ЮАР, Ангола и Нигерия, пытающиеся оказывать влияние на политическое и экономическое развитие малых стран Гвинейского залива.

Экономическое единство стран региона несомненно, несмотря на все различия в политической истории отдельных государств. Его сохранению способствует не только общая история стран-частей бывшей Французской Экваториальной Африки, но и общая валюта — франк СФА. В его зону теперь входит и Экваториальная Гвинея, бывшая испанская колония. Вне зоны франка СФА пока остается Сан-Томе и Принсипи, связанная экономически с Португалией (бывшей метрополией), Бразилией и Анголой.

Функции центрального банка для большинства стран региона выполняет Банк государств Центральной Африки со штаб-квартирой

в столице Камеруна Яунде. Республика Конго, Габон, Экваториальная Гвинея, а также Камерун, Чад и Центральноафриканская Республика входят в Центральноафриканское экономическое и валютное сообщество (*Communauté Économique et Monétaire de l'Afrique Centrale, СЕМАС*). Границы сообщества, в основном, совпадают с границами бывшей Французской Экваториальной Африки.

Среди стран, которые входят в СЕМАС, только в Центральноафриканской Республике нефть не играет никакой роли в экономике страны. Первое место среди нефтедобывающих стран-членов сообщества долгое время принадлежало Габону, но затем на статус лидера в этой отрасли начала претендовать Республика Конго. За последнее десятилетие к нефтедобывающим странам присоединился Чад, значительные запасы нефти и газа были открыты на шельфе — в основном, недалеко от побережья Экваториальной Гвинеи и Сан-Томе и Принсипи.

Систематический поиск углеводородов и добыча нефти и газа на шельфе были бы невозможны без развития местной «базы» (портов, вертолетных площадок, жилья для специалистов) и определения государственной принадлежности тех участков, на которых работали добывающие компании. В результате достаточно быстро произошел раздел осваиваемой акватории и островов в Гвинейском заливе между государствами региона. Сегодня этот процесс, в основном, завершен, однако некоторые острова и прилегающие к ним участки остаются спорными.

Современная конфигурация морских границ в Гвинейском заливе весьма своеобразна и, кажется, не имеет аналогов в мировой практике. Наиболее значительные участки оказались под контролем маленькой и прежде маловлиятельной в регионе Экваториальной Гвинеи. В итоге Камерун остался практически без «своего» шельфа. Пострадал от территориальных притязаний Экваториальной Гвинеи и Габон; до сих пор соседи не могут договориться о принадлежности трех небольших островов, исторически связанных, скорее, с Габоном. Кроме того, Экваториальной Гвинее принадлежит небольшой остров Аннобон к юго-западу от Сан-Томе и Принсипи. Это позволило экваторогвинейцам «застолбить» еще один значительный по территории участок шельфа. Достаточно велик по площади и участок шельфа, принадлежащий Сан-Томе и Принсипи, однако он частично перекрывается зоной, на которую претендовала Нигерия.<sup>9</sup>

В 2001 г. Сан-Томе и Принсипи и Нигерия достигли соглашения о создании зоны совместного освоения шельфа. Все биологические

<sup>9</sup> О морских границах в Гвинейском заливе см., например: T M Daniel. Maritime Boundaries in the Gulf of Guinea. London.

и минеральные ресурсы этой зоны теперь делятся между двумя странами (60% — Нигерии, 40% — Сан-Томе и Принсипи). Зону совместного освоения шельфа создали также Республика Конго и Ангола, доходы от продажи нефти, добытой в этой зоне, должны распределяться между этими двумя странами поровну. Заодно оказался отрезанным от глубоководных месторождений сектор, принадлежащий Демократической Республике Конго, что создает потенциальную угрозу политического конфликта с соседями.

Относительно мирный характер раздела шельфа между государствами Гвинейского залива, вероятно, связан с тем, что блоки, выделенные для поиска и добычи углеводородного сырья, на практике контролируются не национальными правительствами, а иностранными компаниями. Активно действующие компании стремятся «застолбить» блоки в разных секторах Гвинейского залива независимо от их формальной государственной принадлежности.

В отличие от стран Персидского залива, добыча нефти в Центральной Африке ведется крупными транснациональными корпорациями — в основном, европейскими и североамериканскими. По оценкам экспертов, эти компании нередко продают добытую нефть себе самим и вообще имеют склонность к использованию двойной бухгалтерии и сокрытию своих доходов. Правительства всех нефтедобывающих стран региона присоединились к международной инициативе по развитию прозрачности в добывающих отраслях промышленности (*Extractive Industries Transparency Initiative, EITI*), однако на практике стимулирование прозрачности редко шло дальше деклараций.

Во всех странах Центральной Африки развитие нефтяного сектора сопровождалось ослаблением других отраслей экономики. В зависимости от соотношения нефтяного и других секторов эксперты различают нефтезависимые экономики (Экваториальная Гвинея, Габон) и нефтезависимые государства (Республика Конго вместе с Анголой и Нигерией).<sup>10</sup>

Нефтяная зависимость характерна для большинства стран региона, но проявляется она по-разному. По одной из оценок, учитывавшей также Нигерию и Анголу, по роли нефти в ВВП шкала зависимости выглядит так: Экваториальная Гвинея (наиболее зависимая), Габон, Республика Конго, Ангола, Нигерия, Камерун. По месту нефти в государственных доходах впереди находится Ангола, за которой следуют Нигерия, Республика Конго, Экваториальная Гвинея,

<sup>10</sup> Bounboua Vazika Jean Christophe Le petrole: ressource geostrategique et incidence sur les pays de la CEMAC. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.codesria.org/Links/conferences/central/christophe.pdf>.

Габон, Камерун. По роли нефти в национальном экспорте первое место занимает Нигерия, второе — Республика Конго. Ангола и Габон делят между собой третье место, за ними следуют Экваториальная Гвинея и Камерун.<sup>11</sup>

В перспективе нефтяная (для Экваториальной Гвинеи — нефтегазовая) зависимость угрожает и другим странам, имеющим доступ к шельфу Гвинейского залива к западу от Нигерии. Приток доходов от экспорта нефти и, возможно, газа обеспечивает резкий рост коррупции, увеличение благосостояния местных элит и формирование еще одной группы государств-рантье. Небольшие размеры таких государств позволяют добывающим компаниям содержать их без особого ущерба для себя, тем более что государственный аппарат в большинстве стран Гвинейского залива слишком слаб для того, чтобы реально контролировать процесс распределения доходов от продажи углеводородного сырья.

### **Габон и Конго: «ядро» и «оболочка»**

Роль «ядра» и «оболочки», тесно связанных друг с другом, среди нефтедобывающих стран Гвинейского залива играют Габон и соседняя Республика Конго. История и современное состояние двух важнейших нефтедобывающих стран Гвинейского залива демонстрируют разные пути движения из мало различавшегося стартового положения. И Габон (Габонская Республика), и Республика Конго (Конго-Браззавиль, в отличие от соседнего бывшего Заира, известного как Конго-Киншаса) сформировались как административные единицы в период французского колониального управления, сначала с центром в Либревиле, а затем, когда обе территории входили в состав Французской Экваториальной Африки, со столицей в Браззавиле. Граница между частями Французской Экваториальной Африки не составляла препятствия для миграций и экономических связей, а часто существовала только в официальных документах и на административных картах. Весьма своеобразной осью развития Конго служила река Конго, разделявшая французские и бельгийские владения, а Габон развивался вверх по течению реки Огове. В итоге сформировались две территории, напоминающие по конфигурации границ ядро (Габон) и его оболочку (Конго).

В колониальный период политический и экономический центр Французской Экваториальной Африки находился сначала в Габоне,

<sup>11</sup> Albert Yama Nkouna. Quelques Axes de Réflexion pour une Meilleure Intégration du Secteur Pétrolier dans l'Économie Nationale // Oil Policy in the Gulf of Guinea.

а затем в Конго. После открытия крупных запасов нефти и деколонизации центр вновь переместился в Габон. Этому способствовал и важный внешний фактор; Габон был своего рода витриной Запада в Центральной Африке, а Народная Республика Конго ориентировалась на Советский Союз. Разные политические лозунги скрывали фундаментальное сходство политических систем в обеих странах; в экономическом соревновании Габон, несомненно, выигрывал. С началом советской перестройки и Габон, и Конго вступили в период потрясений и демократизации. Габон пострадал от реформ меньше, чем Республика Конго, пережившая гражданскую войну, тлеющую и сегодня, и продолжает играть в регионе роль относительно стабильного «ядра».

Габонская Республика достаточно велика по своей территории (около половины территории Франции). Протяженность побережья страны составляет приблизительно 8000 км. Однако территория страны заселена слабо, около 85% ее покрыто тропическим лесом (с 1990 по 2000 гг. площадь лесов сокращалась в среднем на 10 тыс. гектаров в год).

Численность населения Габона составляет около 1,5 млн жителей (данные на 2006 г.). Урбанизация привела к тому, что в 2003 г. 80% габонцев жили в городах. Более 40% жителей моложе 15 лет. По официальной оценке, не менее 83% населения находятся за чертой бедности.<sup>12</sup>

В отличие от некоторых других стран Африки, в Габоне не сложилась какая-либо численно доминирующая этническая группа, нет и четкого историко-географического распределения народов. Это связано с историей миграций и конфликтов на территории современного Габона накануне европейской колонизации. Европейцы застали страну без сколько-нибудь значительных государственных образований и фактически создавали ее с нуля. В первой половине XX в. население Габона сокращалось. Страну населяют не менее 40 народов. В Габоне значительна европейская диаспора (в том числе, по официальным данным, более 8 тыс. граждан Франции).

В постколониальный период власть в стране оказалась в руках фанг. После смерти первого президента Леона Мба руководство Габоном перешло к батэке, живущим на границе с Конго (Конго-Браззавиль). С элитой соседней страны руководство Габона связано не только этническими, но и семейными узами.

Для независимого Габона характерны претензии на центральное положение среди стран, в которых говорят на языках банту, и сво-

<sup>12</sup> Thomas Atenga. Gabon: apprendre à vivre sans pétrole. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.politique-africaine.com/numeros/pdf/conjonctures/092117.pdf](http://www.politique-africaine.com/numeros/pdf/conjonctures/092117.pdf).

образный «панбантуизм». В качестве основы традиции выбрана «цивилизация банту»; происхождение народов, говорящих на этих языках, напрямую связывается с древним Египтом. На практике бантуский миф используется как основа формирования габонской государственности. До сих пор базирующееся на этом мифе национальное единство оставалось достаточно прочным, по сравнению с соседними Конго-Браззавиль и Конго-Киншаса, не говоря уже о Руанде или Бурунди.

Экономический расцвет Габона в 1970–1980 гг. привел к массовой иммиграции из более бедных стран Западной Африки, включая нелегальный ввоз женщин и детей. По оценке Международного бюро по миграции (ОИМ), иностранцы составляют 35% населения страны. Они играют важную роль в системе образования, доминируют в сфере транспорта, ресторанном деле и торговле. Марокканцы и представители стран Азии работают в охранных структурах.

Мигрантов-африканцев в Габоне обвиняли в бандитизме и прочих преступлениях. Оппозиция была к ним настроена даже враждебнее, чем власти («это Бонго вас привез»). Полицейские рейды были направлены против нелегалов. В 2002 г. были высланы около 14 тыс. человек — в основном, в Бенин, Камерун, Нигерию и Сенегал. Вид на жительство (около 900 тыс. франков *CFA* на два года) недоступен многим мигрантам, а те жалуются, что им не дают осесть в стране.<sup>13</sup>

Особое место среди иммигрантов в Габоне занимают переселенцы из Республики Конго. Как уже было сказано, исторически граница между двумя странами часто была совершенно условной, и отличить конголезцев от габонцев далеко не всегда просто и сегодня, особенно если они принадлежат к одной и той же этнической группе. Большинство мигрантов из Конго оказались в Габоне, спасаясь от гражданской войны. Интересно, что беженцы представляли обе стороны конфликта и нашли убежище в разных районах Габона.<sup>14</sup>

За всю историю независимого Габона в стране только один раз произошла смена власти. После смерти первого президента Леона Мба его место занял вице-президент, нынешний глава государства Аль-Хадж Омар (Альбер-Бернар) Бонго.

Второй президент Габона родился в 1935 г. Он окончил технический лицей в Браззавиле (Конго), затем работал и занимался

<sup>13</sup> Thomas Atenga. Gabon: apprendre à vivre sans pétrole. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.politique-africaine.com/numeros/pdf/conjonctures/092117.pdf](http://www.politique-africaine.com/numeros/pdf/conjonctures/092117.pdf).

<sup>14</sup> François Gaulme. Congo-Brazzaville. La guerre civile et ses consequences sur le Gabon // UNHCR Centre for Documentation and Research. WRITENET Paper No. 20/1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unhcr.org>.

политической деятельностью, после 1960 г. был директором кабинета президента, руководил вооруженными силами и службой безопасности Габона. Президент Бонго ввел в стране однопартийную систему. Легально действовала только Габонская демократическая партия.

Первые признаки рецессии появились в 1981 г. после десятилетия экономического роста. Стагнация кончилась серьезным социальным кризисом в конце 1980-х гг. С 1989 г. под давлением Франции в Габоне началась демократизация. В 1990 г. Омар Бонго с трудом пережил Национальную конференцию и беспорядки. Волнения под лозунгом «Бонго должен уйти» (*BDP*, «*Bongo doit partir*») сопровождались грабежами и поджогами в столице и в городе Порт-Жантиль. Временно прекратилась добыча нефти. В какой-то момент казалось, что она будет такой неуправляемой, как и в соседнем Конго. Однако ни Франция, ни другие партнеры Габона не могли допустить хаоса в стране. В наведении порядка участвовали французские войска.

В 1991 г. была принята новая конституция Габонской Республики. В 1993 г. Омар Бонго победил на президентских выборах (на пятилетний срок), в 1994 г. договорился с оппозицией о создании единого правительства, нейтрализовав основных соперников. В 1998 г. после очередной победы на выборах (на семилетний срок) Омар Бонго призвал габонцев к «демократии сидящих за одним столом» (*démocratie conviviale*).<sup>15</sup> «Бонгократура» справилась и с волнениями в конце 1998 г. после азиатского кризиса и резкого падения цен на нефть. В 2000 г. снова начался рост цен на нефть, и власти смогли вздохнуть спокойнее.

В итоге победил подход, о котором сам президент говорил так: «Мы не обязаны насаждать у себя демократию по образцу западных стран. Это слишком большая роскошь. Демократию копировать нельзя. Возьмем, скажем, отношение французов к президентским выборам. Для них такие выборы только тогда убедительны, когда они проходят в два тура. Но ведь есть государственные деятели, имеющие определенные личные качества, личную ауру, не так ли?»<sup>16</sup> В 2003 г. была изменена конституция, теперь президентские выборы проходят в один тур, и можно избираться без ограничений (раньше — только два срока по семь лет). Одним из заместителей председателя правящей Габонской демократической партии был избран сын президента, министр обороны Али Бонго. В габонской по-

<sup>15</sup> Thomas Atenga. Gabon: apprendre à vivre sans pétrole [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.politique-africaine.com/numeros/pdf/conjonctures/092117.pdf](http://www.politique-africaine.com/numeros/pdf/conjonctures/092117.pdf).

<sup>16</sup> Владимир Катин. Габон и Россия имеют много общего // Дипкурьер. Международное приложение к НГ 10 (30) 21 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [world.ng.ru/azimuth/2001-04-19/1\\_gorbon.html](http://world.ng.ru/azimuth/2001-04-19/1_gorbon.html).



литической системе Али Бонго считается лидером «реформаторов», оппозиция обвиняла президента Габона в том, что он видит сына наследником «престола».

На выборах 2005 г. Омар Бонго (с 2003 г. его официальное имя — Эль Хадж Омар Бонго Ондимба, — по имени его отца) получил 79% голосов. В октябре 2006 г. он заявил: «У меня нет очевидного преемника». Президент сообщил, что пойдет на выборы и в 2012 г.<sup>17</sup>

К внешним признакам габонской демократии можно отнести присутствие 9 партий в парламенте, победу оппозиции на выборах мэров столицы страны Либревилья и нефтяного центра Габона, города Порт-Жантиль. Габонская демократическая партия, по словам самого Омара Бонго, «представляет собой единственную в стране многоэтническую партию, и в этом ее сила и влияние».<sup>18</sup> Другие партии опираются на небольшой район или этническую группу. Например, центристский форум «За африканский социализм» опирается на народ фанг, Габонская партия прогресса популярна в районе города Порт-Жантиль, где ей удалось завоевать пост мэра.

Президент Омар Бонго, сумевший сохранить власть, пусть и при поддержке бывшей метрополии, в течение четырех десятилетий постепенно приобретал облик миротворца и философа. Он участвовал в урегулировании ситуации в соседнем Конго-Браззавиль и в Демократической Республике Конго (бывший Заир). Внутри страны он сам решал проблемы, вызвавшие забастовки в вузах. В 2000 г., когда журналистам государственных изданий в течение трех месяцев задерживали зарплату, президент Бонго лично велел министру финансов выплатить долги по зарплате.<sup>19</sup>

Выступив в роли философа, Омар Бонго создал труд с характерным названием «Белый как негр». Смысл названия и суть книги он объяснял в интервью «Независимой газете» следующим образом: «Лично я этим заголовком и всем содержанием книги хочу донести до читателя следующее: нас, черных, африканцев, Запад неправомерно упрекает буквально во всех грехах: мы, дескать, нечестные, жулики, погрязшие в коррупции. Но разве там, в Европе, на Западе вообще, нет всех этих вопиющих безобразий, этой пронизывающей

<sup>17</sup> Президент Габона собирается править больше 50 лет // NEWSru.com. Новости в мире. 24 октября 2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://palm.newsru.com/world/24oct2006/gabon.html>.

<sup>18</sup> Владимир Катин. Габон и Россия имеют много общего // Дипкуррьер. Международное приложение к НГ 10 (30) 21 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [world.ng.ru/azimuth/2001-04-19/1\\_gorbon.html](http://world.ng.ru/azimuth/2001-04-19/1_gorbon.html).

<sup>19</sup> Gabon. Equatorial Guinea. EIU Country Report. January 2001. The Economist Intelligence Unit Limited.

общество коррупции? Что ни день, то новый процесс — взять хотя бы Францию. Так что прежде чем адресовать нам эти упреки, надо навести порядок у себя. Мы не отрицаем, что у нас бытует коррупция. Но это явление существует также во Франции, Германии, Италии, Японии, в англо-саксонских странах, которые пытаются назидательно учить морали весь мир и сваливать все беды на других».<sup>20</sup>

В 1973 г. президент страны принял ислам, хотя абсолютное большинство населения — христиане. Смена религии, вероятно, имела сугубо прагматический характер (для укрепления связей с партнерами в исламском мире); в отличие от других стран Африки, никаких попыток массовой исламизации не было.

Радикальная габонская оппозиция относится к президенту Бонго как к диктатору, называя его режим «бонгократурой». Реального влияния на ситуацию в стране деятельность оппозиции пока, кажется, не имела. Внешние силы не заинтересованы в дестабилизации власти в Габоне.

До французского завоевания на территории современного Габона европейцев мало что привлекало, если не считать незначительной по масштабам работоторговли. Основным экспортным товаром колониального Габона стал лес (ценные породы дерева). Габон вместе с Нигерией и Камеруном — одна из первых нефтедобывающих стран Гвинейского залива. Добыча нефти и ее поставка во Францию началась еще в 1957 г. В 1958 г. в Габон и французское Конго попыталась проникнуть *Mobil Oil*. После сложных взаимоотношений французы «пустили» в Габон компанию *Shell*, а в последние годы и другие компании, постепенно переходя на более перспективные месторождения в Анголе, Нигерии и других странах.

Франции пока удается удерживать Габон в сфере своего влияния, но экономические связи с США и Китаем постоянно укрепляются. Более половины нефтяного экспорта теперь приходится на США. В 2004 г. Габон посетил председатель КНР Ху Цзиньтао. Было подписано соглашение о поставках сырой габонской нефти в Китай (20 тыс. баррелей в день). Омар Бонго восемь раз посещал КНР с визитом.

Габон был одной из первых нефтедобывающих стран Гвинейского залива и стал первой страной в регионе, которая столкнулась с истощением нефтяных месторождений. В 1975 г. добыча достигла 225 тыс. баррелей в сутки, и Габон стал членом ОПЕК. Максимум — 350 тыс. баррелей в сутки — был достигнут в 1998 г., а затем произошло снижение объемов добычи. Однако значение нефтяной отрас-

<sup>20</sup> Владимир Катин. Габон и Россия имеют много общего // Дипкуррьер. Международное приложение к НГ 10 (30) 21 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [world.ng.ru/azimuth/2001-04-19/1\\_gorbon.html](http://world.ng.ru/azimuth/2001-04-19/1_gorbon.html).

ли для габонской экономики не уменьшилось — прежде всего из-за роста цен на мировом рынке. В 2005 г. на этот сектор приходилось примерно 50,7% габонского ВВП.

Нефтяные компании стремятся восстанавливать старые месторождения, поиск новых запасов теперь ведется, в основном, на шельфе. Работа на шельфе началась после успеха нефтяных компаний в Анголе и Нигерии. По некоторым оценкам, Габон — пожалуй, единственная африканская страна (и одна из немногих в мире), правительство которой осознанно сдерживает рост нефтедобычи, при этом вкладывая деньги в разведку новых месторождений. В результате за последние 10 лет, на фоне стагнации объемов добычи, доказанные запасы выросли (по различным данным) в 1,5–2 раза, до 300–400 млн т.

Добыча и экспорт габонской нефти осуществляются иностранными компаниями. Сейчас в стране действуют около 20 нефтедобывающих компаний, которые, в основном, контролируются европейским и североамериканским капиталом. Лидирующие позиции занимают *Shell Gabon* и *Total Gabon* (совместные компании с участием правительства Габона). Кроме французов, голландцев и американцев, в Габоне действуют компании из Великобритании, Южной Африки, Малайзии, Канады, Италии и Китая. Правила добычи определяются контрактами о разведке и разделе продукции, согласно закону 1983 г.

Единственный НПЗ Габона Согара (*Sogara*), расположенный на побережье, в экономической столице страны — Порт-Жангиле, был открыт в 1967 г. Предельная производительность завода составляет немногим более 1 млн тонн нефтепродуктов в год и используется на 80–85%. Уставной капитал завода разделен между правительством Габона (25%), французской *TotalFinaElf* (43,8%), британской *Shell* (17%), итальянской *Agip* (2,5%) и рядом мелких частных акционеров. Объемы нефтепереработки в Габоне медленно падают на протяжении нескольких десятков лет. Так, в 1981 г. было произведено 1,3 млн тонн нефтепродуктов. Тогда в стране функционировал еще один небольшой (около 0,1 млн тонн) НПЗ в Пуэнт-Клерете.<sup>21</sup>

Кроме нефти, основные поступления в бюджет Габона связаны с лесом и марганцем. Лесная промышленность утратила прежнее значение и теперь занимает второе место в поступлениях от экспорта. Продолжается вывоз из страны ценных сортов дерева. Рост объема продаж связан с увеличением спроса в Азии. Из-за вырубок страдает природа; именно в пострадавших районах Габона в 2001–2002 гг. произошла вспышка лихорадки Эбола.

<sup>21</sup> По другим данным, установленная мощность всех двух габонских НПЗ составляла в 1983 г. 2,3 млн тонн.

По добыче марганца Габон занимает третье место в мире. По сравнению с нефтью, роль марганца в габонском экспорте невелика (в 1998 г. на них приходилось, соответственно, 80% и 5% доходов от экспорта). Добычу марганца на месторождении Моанда контролирует французская группа *Eramet* (ей принадлежит 67% акций, правительству Габона — 25%), руда вывозится по Трансгабонской железной дороге. Благоприятными считаются и перспективы разработки железорудного месторождения Белинга. Однако его освоению препятствует отсутствие инфраструктуры. В 2005 г. был создан консорциум с участием компаний Бразилии и Китая, а также *Eramet Group*. Добыча урана, начатая в 1960-х гг., прекратилась в 1999 г. из-за истощения запасов. Золото и алмазы добываются фактически без государственного контроля; по оценкам, ежегодно нелегальный экспорт золота превышает 400 кг.

В 2004 г. правительство Габона заявило, что оно намерено отвести около 10% территории страны под национальные парки. Всего планировалось создать 13 национальных парков. Если эта программа будет реализована, Габон займет второе место в мире после Коста-Рики по доле территории, отведенной под национальные парки (но абсолютная площадь в Коста-Рике значительно меньше). Успех идеи будет зависеть от того, насколько экотуризм сможет заменить экспорт древесины в качестве источника дохода для габонского правительства.

В 2001 г. МВФ рекомендовал правительству Габона ежегодно проводить аудит нефтяных компаний, бороться с коррупцией и бедностью и откладывать часть доходов в «Фонд будущих поколений». Последовательно такую политику проводить было невозможно, так как она задевала бы интересы и компаний, склонных к двойной бухгалтерии, и части габонского правящего слоя.

Бюджет 2004 г. впервые предусматривал 431,2 млрд франков *CFA* нефтяных доходов и 533,8 млрд из других поступлений. Государству пришлось обратиться к внешним займам (507,4 млрд франков *CFA*). Внешний долг превысил 4 млрд долл. Габон был вынужден заключить трехлетнее соглашение с МВФ, предусматривавшее сокращение государственных расходов. Одновременно государство договорилось с профсоюзами о перемирии, включая отказ от забастовок, на 2004–2006 гг.

По оценке на 2004 г., нефть дает около 45% ВВП и более 50% государственных доходов.<sup>22</sup> Со старых месторождений, по некоторым данным, Габон получал немногим более 80% стоимости до-

<sup>22</sup> Omayra Bermúdez-Lugo. The Mineral Industry of Gabon. 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [minerals.usgs.gov/minerals/pubs/country/2004/gbmyb04.pdf](http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/country/2004/gbmyb04.pdf).

бытой нефти. С сокращением доходов от нефти, по оценке Т. Атенги, ставится под вопрос сама стратегия существования Габона как «государства-рантье».<sup>23</sup>

Предварительные итоги «нефтяного» периода в истории Габона можно назвать неоднозначными. Страна занимает первое место в Западной Африке по ВВП на душу населения и по уровню жизни (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности — около 4,5 тыс. долл. в год). Долгое время за счет нефтяных денег поддерживались стабильность и наличие рабочих мест в госсекторе для граждан Габона. «Африканский Кувейт» мог позволить себе развивать ближневосточную модель экономики — с высокими госинвестициями и социальными расходами, в том числе на здравоохранение, образование и электрификацию сельской местности. В Габоне действует специальная «Национальная программа борьбы со СПИДом» (*P-NLS*).<sup>24</sup> В сентябре 2006 г. в рамках этой программы на 40% были снижены цены на презервативы в государственных центрах охраны здоровья — с 25 до 15 франков *CFA*, в то время как в частных аптеках цена одного презерватива может достигать до 1 тыс. франков.

На доходы от экспорта нефти развивалась транспортная сеть, была построена Трансгабонская железная дорога, которая теперь передана в концессию частной фирме. Габонское правительство тратило нефтяные деньги не на укрепление карательного аппарата, а на создание инструментов политического влияния — прежде всего для нейтрализации оппозиционных партий. Габон присоединился к международной инициативе по развитию прозрачности в добывающих отраслях промышленности, предполагающей ответственное управление и независимый аудит в добывающей промышленности (в Габоне эта инициатива распространяется только на нефтедобычу).

В то же время богатый Габон не мог использовать программы помощи беднейшим странам. Доходы от нефти в значительной мере шли на поддержание процветания правящего слоя. Достаточно вспомнить, что Габон в лучшие годы правления президента Бонго прославился как главный импортер французского шампанского. Здравоохранение оставалось на достаточно низком уровне и развивалось неравномерно (от 10 до 35 врачей на 100 тыс. жителей). Уровень грамотности населения составляет около 60% — больше, чем в некоторых соседних странах, но значительно меньше, чем на Западе. Инфраструктура развивалась недостаточно интенсивно, асфальтовое покрытие имеют

<sup>23</sup> Thomas Atenga. Gabon: apprendre à vivre sans pétrole [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.politique-africaine.com/numeros/pdf/conjonctures/092117.pdf](http://www.politique-africaine.com/numeros/pdf/conjonctures/092117.pdf).

<sup>24</sup> Доля ВИЧ-инфицированных среди населения Габона составляет около 8%, что сравнительно мало для Африки.

только 10% габонских автодорог. По социально-экономическим показателям Габон как страна со средним доходом оказался близок к Сан-Томе и Принсипи (еще до начала добычи углеводородов в этой островной стране).

Несмотря на умелое политическое маневрирование президента Бонго, недовольство обделенной части населения сохраняется, выборы регулярно сопровождаются беспорядками. От более серьезных вспышек насилия правящий режим пока защищен благодаря лояльности (в том числе и на этнической основе) сил безопасности и вооруженных сил. Дополнительной гарантией стабильности является присутствие в столице Габона французских войск (официально они отвечают только за безопасность французских граждан). Впрочем, опыт соседней Экваториальной Гвинеи показывает, что вполне возможна смена власти внутри самой правящей элиты, если президент утратит контроль над своими сподвижниками и родственниками.

Доля сырой нефти в габонском экспорте, по прогнозу, должна уменьшиться с 86,6% в 2006 г. до 84,2% в 2007 г.; доля леса и марганца возрастет с 5,2% до 5,9% и с 5,7% до 7,0% соответственно. Ожидается также рост в сфере строительства и телекоммуникаций (мобильная связь). Однако такие изменения вряд ли можно признать радикальными. Несмотря на рост доходов от нефтегазового сектора, о полной замене нефтяных доходов сегодня говорить не приходится. Пока офшорная добыча нефти поддерживает экономику страны на плаву, все планы диверсификации экономики остаются на бумаге.

Республика Конго (бывшее французское Конго) больше по площади, чем Габон; ее территория составляет примерно две трети территории Франции. Однако протяженность побережья страны, между Габоном и ангольским эксклавом Кабинда, невелика (приблизительно 200 км). Около половины территории Конго покрыто лесом.

Как и Габон, Конго приобрело сегодняшние очертания в процессе европейской колонизации. Однако, в отличие от Габона, на территории современной Республики Конго и в доколониальный период существовали крупные этногосударственные образования — в частности, «королевства» баконго (прежде всего, Лоанго на атлантическом побережье) и батеке; традиционные правители сохраняли свое влияние и при французах, и в независимом Конго. Старые конфликты снова вышли наружу в период военного противостояния между различными политическими партиями и движениями Конго после 1990 г.

Уже около ста лет особую роль в Конго играет Браззавиль. В колониальный период он был столицей Французской Экваториальной Африки; во время Второй мировой войны — временной столицей

«Свободной Франции» под руководством генерала де Голля. После 1960 г. именно в Браззавиль направлялся основной поток внутренних мигрантов, независимо от их этнического происхождения. Во время гражданской войны в Браззавиле проходили столкновения между отрядами северян и южан, а после победы Севера «южные» кварталы остались очагами бандитизма и оппозиционности по отношению к правительству.

Особенностью Конго была древняя религиозная традиция. Еще в пятнадцатом веке на побережье, в «королевстве» Конго, начал распространяться католицизм. Осваивая новую веру, баконго много раз «впадали в ересь», создавая афро-христианские церкви. В период французского колониального господства на юге страны получили распространение мессианистские движения. Их участники отказывались сотрудничать с властями и платить налоги (эта традиция сохранилась и в независимом Конго).

Уходя, Франция передала власть в Конго политикам, представлявшим более «цивилизованный» юг и столицу страны. Первый президент независимого Конго, аббат Фюльбер Юлу, принадлежал к этнической группе лари (балари), одному из народов в составе этнической общности конго (баконго). Юлу вступил в конфликт с католической церковью и был лишен сана, но пользовался поддержкой мессианистов, приверженцев культа Андре Мацуа. В 1863 г. после «трех славных дней» к власти пришли левые, опиравшиеся на поддержку профсоюзов. Реальные рычаги управления оставались в руках южан, но лари были оттеснены другими группами баконго. В 1968 г. после очередного государственного переворота к власти пришли революционеры-северяне во главе с Марианом Нгуаби. Новое правительство Конго декларировало приверженность идеалам марксизма-ленинизма и пыталось следовать рекомендациям Москвы, по крайней мере, в области партийного строительства. Была провозглашена Народная Республика Конго, введен однопартийный режим, который оппозиция именовала тоталитарным. Революционная власть в Браззавиле не была стабильной, но оставалась в руках военных-северян. Юг оказался на периферии политической жизни, что совершенно не соответствовало ни демографии, ни экономической ситуации в стране. Дискриминация Юга включала подавление большинства мессианистских движений.

До середины 1970-х гг. ведущей отраслью конголезской экономики было лесное хозяйство. На его долю приходилось более 50% национального экспорта. Кроме того, через Конго велась внешняя торговля других стран Центральной Африки; был налажен вывоз

марганцевой руды из приграничных районов Габона. Экспортировалась и продукция сельского хозяйства (кофе, какао).

С началом нефтедобычи произошла радикальная перестройка экономики Народной Республики Конго, как тогда называлась страна. С 1973 по 1985 гг. сырая нефть превратилась в едва ли не единственный источник доходов, экспорт в других секторах буквально рухнул (т.е. сокращение было не только относительным, но и абсолютным). Особенно это коснулось лесной промышленности, на долю которой в 1981–1985 гг. приходилось не более 4% экспорта. По некоторым оценкам, прямой связи между обвалом в сфере вырубки и экспорта леса и нефтяным бумом не было. Древесину вывозили, в основном, из прибрежной части страны, а доступ к еще не истощенным лесам северных провинций требовал больших затрат. Кроме того, в начале 1970-х гг. лесная отрасль переживала общий кризис, спрос на африканские сорта дерева сокращался, а значит, сокращался и объем экспорта леса из стран Экваториальной Африки.

Конго-Браззавиль не было исключением среди африканских стран, переживавших стихийную урбанизацию. В Браззавиле и Пуэнт-Нуаре сосредоточилось больше половины всего населения страны. Миграция и старение населения вызвали «эффект обеднения» в сельском хозяйстве.

Превращение Народной Республики Конго в «государство-рантье» происходило быстрее, чем в Габоне. Нефтяная рента расходовалась на масштабные программы развития. Поддерживались убыточные предприятия госсектора, государство стало основным работодателем для всех выпускников системы образования, бюрократия процветала. Несмотря на т.н. социалистическую ориентацию, потребление ориентировалось на западные образцы. Резко вырос импорт продуктов питания.<sup>25</sup>

Падение цен на нефть в 1986 г. ударило по Конго сильнее, чем по соседнему Габону. Провальное состояние национальной экономики вызвало недовольство всех слоев населения, направленное на однопартийный режим президента Сассу-Нгессо. Как и в других бывших французских колониях, в стране началась демократизация, в 1991 г. была проведена Национальная конференция, легализованы политические партии и прежде запрещенные церкви. В отличие от Габона, демократизация в Конго приняла неуправляемый характер. Борьба между партиями превратилась в конфликт между регионами и этническими группами по линии «север–юг» и несколько раз перерас-

<sup>25</sup> Jean-Philippe Koutassila. Le syndrome hollandais: théorie et vérification empirique au Congo et au Cameroun. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ced.u-bordeaux4.fr/ceddt24.pdf>.



тала в гражданскую войну. Особенно пострадали столица страны Браззавиль и соседние районы, из этнических групп больше всего опять досталось лари, чьи лидеры всегда претендовали на власть в «своем» Браззавиле, а значит, и во всей стране. Среди лари снова усилились мессианистские движения, надеявшиеся на поддержку со стороны США.

Район нефтедобычи не пострадал от боевых действий, на побережье были введены войска соседней Анголы. В конечном счете, при прямом вмешательстве ангольской армии к власти в Браззавиле вернулся северянин, бывший марксист Дени Сассу-Нгессо. В политической схватке за Республику Конго Франция выиграла у США. В экономическом плане успех не был столь значительным, американские компании продолжали спокойно добывать нефть на шельфе у конголезского побережья. Положение основной части населения Конго ухудшалось, а доходы государства и конкретных чиновников росли. Именно в бурные 1990-е гг. Конго сравнялось с Габоном по объемам нефтедобычи.

Возвращение Сассу-Нгессо не означало окончания гражданской войны. Вооруженные выступления на юге продолжались. Относительное затишье наступило только после подписания мирных соглашений в 2003 г., однако недовольство режимом на побежденном Юге сохранилось. В результате правительству Сассу-Нгессо до сих пор приходится тратить значительную часть поступлений от экспорта нефти на поддержание силовых структур.

К более экстравагантным способам расходования государственных средств можно отнести перенос из Алжира останков французского колониального деятеля Саворньяна де Бразза, фактически создавшего современное Конго, и строительство его мавзолея. История французского завоевания теперь интерпретируется властями Республики Конго как взаимовыгодное, мирное и добровольное налаживание договорных отношений между французами и традиционными политическими элитами — прежде всего, между де Бразза и королем батеке.

Навязываемое сверху подчеркивание роли батеке в истории Конго и Габона сегодня снова превращает Конго-Браззавиль в своего рода «семейно-политический» центр по отношению к габонской периферии. На практике же президент Габона Омар Бонго явно не склонен уступать лидерство в регионе своему конголезскому тестю. Политическая стабильность в Республике Конго теперь зависит, скорее, от покровительства со стороны Анголы, чьи войска находятся на конголезской территории с 1997 г.

По некоторым оценкам, выручка от продажи нефти дает около 70% доходов Конго. На нефть приходится около 85% конголезско-

го экспорта. Кроме продажи сырой нефти, в Республике Конго есть и нефтепереработка, но и ее развитие оставляет желать лучшего. Единственный в стране НПЗ расположен в портовом городе Пуэнт-Нуар и использует местную, конголезскую нефть. Завод, который был введен в эксплуатацию в 1974 г., работает с перебоями, часто менее чем в половину мощности. Этот НПЗ принадлежит компании *CORAF*, уставной капитал которой был разделен между правительством Конго (в лице госкомпании *Hydro-Congo*) — 60% и *TotalFinaElf* — 40%; после продажи доли *TotalFinaElf* компания стала филиалом государственной *Société Nationale des Pétroles du Congo*. НПЗ в Пуэнт-Нуаре ориентирован на внутренний рынок.

С добычей и экспортом нефти связано более 50% ВВП. Нефтяной сектор по-прежнему доминирует в экономике, и от его благополучия в значительной мере зависит будущее Республики Конго.

### **Экваториальная Гвинея: «семейное предприятие»?**

Особого внимания среди малых стран Гвинейского залива заслуживает Республика Экваториальная Гвинея, и не только потому, что она занимает третье место по добыче нефти в регионе. Эта страна до 1968 г. была колонией Испании (единственной в Тропической Африке), а затем оказалась под властью диктатора Масиаса Нгема Бийого, которого можно сравнивать с такими выдающимися лидерами, как центральноафриканский император Бокасса и угандийский правитель Иди Амин Дада.

Экваториальная Гвинея состоит из трех регионов, мало связанных между собой, — материковой области Мбини (Рио-Муни) между Камеруном и Габоном, «столичного» острова Биoko (Фернандо-По) и острова Аннобон. В колониальный период эти регионы несколько раз получали статус отдельных колоний или заморских провинций Испании. В экономике Рио-Муни преобладали лесозаготовки, на острове Фернандо-По процветало плантационное хозяйство (какао). На плантации завозились рабочие из Рио-Муни, Нигерии и других стран Западной Африки, а также освобожденные рабы. Аборигены-буби упорно сопротивлялись колонизации, но затем и они приспособились к плантационной экономике. Остров Аннобон, отделенный от Фернандо-По островами Сан-Томе и Принсипи, заселили потомки рабов и европейских переселенцев, близкие по языку и культуре к жителям Сан-Томе.

В колониальный период страна процветала, однако после провозглашения независимости в 1968 г. экономика Экваториальной Гвинеи была буквально уничтожена. Первый президент страны, диктатор Масиас Нгема Бийого, принадлежавший к народу фанг («клан» эсанги, буквально «отец-горилла»), жесточайшим образом преследовал своих политических противников. Масиас опирался на «клан Монгомо», состоявший, в основном, из его близких родственников. В «клан Монгомо» вошли не только эсанги, но и представители «клана» эвук, также населяющего район Монгомо в материковой части страны.<sup>26</sup>

По отношению к непокорному народу буби на острове Фернандо-По, переименованном в Масиас-Нгема-Бийого, фактически проводилась политика геноцида; в 1970-х гг. были высланы несколько десятков тысяч нигерийцев. В результате этническая ситуация на острове изменилась в пользу фанг, а производство какао-бобов сократилось в несколько раз. Спасаясь от диктатуры, около 100 тыс. жителей Экваториальной Гвинеи (не только буби) были вынуждены эмигрировать, в основном, в соседние страны Африки и в Испанию. Страну покинули почти все европейцы.

Тогда президент Экваториальной Гвинеи, «отец революции» и «великий учитель», пригласил технических специалистов из СССР, Китая, Кубы и Северной Кореи (социализм, в отличие от Конго, он строить не стал). Были закрыты границы страны, рыбакам запрещалось выходить в море. В то же время порт Луба на острове Масиас-Нгема-Бийого стал базой советского «Севрыбфлота» в Атлантическом океане. В 1978 г. была запрещена деятельность католической церкви, репрессиям подверглись члены семьи президента. В 1979 г. Масиаса сверг его племянник, министр обороны Теодоро Обианг Нгема Мбасого, организовавший «переворот освобождения». Свергнутого дядю расстреляли марокканские гвардейцы.

Новый режим был воспринят в Европе и США как прозападный, и вплоть до середины 1990-х гг. внешняя помощь была основой существования экваторгвинейского государства. С 1983 г. страна интегрировалась в региональные структуры Центральной Африки. В 1985 г. Экваториальная Гвинея вошла в зону франка *CFA*. Французский язык был объявлен вторым государственным языком страны, наряду с испанским. Экономические реформы после вступления страны в сообщество стран Центральной Африки и введение франка *CFA* вызвали недовольство населения, которое не могло купить продукты, появившиеся на рынках. 18 июля 1986 г. (в юбилей начала гражданской войны в Испании) часть «клана Монгомо» попыталась

<sup>26</sup> Joan Roig. Elections municipales de septembre 1995 en Guinee Equatoriale [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politique-africaine.com/numeros/pdf/060129.pdf>.

воспользоваться кризисом и поездкой Обианга во Францию и свергнуть президента; среди участников заговора были несколько министров и директор Центрального банка. Попытку мятежа подавила марокканская гвардия президента Обианга.<sup>27</sup>

И до, и после 1979 г. в Экваториальной Гвинее правил «клан Монгомо». Семейный характер власти в стране обеспечивается не только жестокостью правящей группировки по отношению к оппозиции, но и более глубокими причинами. С одной стороны, благодаря небольшой численности населения президент лично знаком с большинством активных политиков. С другой стороны, традиция большинства народов Экваториальной Гвинеи, в том числе фанг, не была связана с какими-либо государственными структурами, реальная власть не выходила за пределы семьи и «клана». Поэтому действия семьи Нгема и отношения между ее членами легко понятны остальному населению страны.<sup>28</sup>

В начале 1990-х гг. процессы демократизации в странах «французской» Африки затронули и Экваториальную Гвинею. Была разрешена деятельность оппозиционных политических партий. На муниципальных выборах 1995 г. оппозиция победила в большинстве округов. Однако президент Обианг быстро справился со своими противниками. В 2002 г. он победил на выборах, набрав 97,7% голосов (кандидаты от всех партий, кроме правящей Демократической партии Экваториальной Гвинеи, отказались от участия в выборах. Оппозиция подвергалась репрессиям, особенно жестоко власти расправлялись с нелегальной ФДР (*Fuerza Democrata Republicana*), завоевавшей популярность в «президентском» округе Монгомо.

Обианг Нгема Мбасого продолжал политику своего дяди Масиаса в отношении буби. Тем не менее, сохранялась практика резервирования за представителями буби некоторых должностей, включая пост премьер-министра (до августа 2006 г., когда и этот пост перешел к фанг).

Несколько раз предпринимались попытки свержения президента Экваториальной Гвинеи и отстранения семьи Нгема от власти. В 2004 г. в попытке переворота участвовали иностранные наемники и предприниматели, в том числе Марк Тэтчер (сын Маргарет Тэтчер, бывшего премьер-министра Великобритании).

<sup>27</sup> Historia de Guinea [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.asodegüe.org/hdojmc52.htm>. Марокканцы покинули Экваториальную Гвинею в 1993 г. (под давлением США).

<sup>28</sup> Alicia Campos Serrano. Nuevos recursos y viejas opresiones: dinámicas políticas en Guinea Ecuatorial // Documentos ASODEGUE Febrero 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.asodegüe.org/dfebrero0204.htm>.

В Испании действует правительство Экваториальной Гвинеи в изгнании, созданное оппозицией. Существует и сепаратистское движение буби, которое выступает за независимость острова Биоко (Фернандо-По). Оппозиция обвиняет власти Экваториальной Гвинеи в преступлениях против своего народа и связях с международным наркотрафиком и отмыванием денег.

Еще в 1960-х гг. компания *Mobil* обнаружила запасы нефти на шельфе, но технические и политические причины долгое время не позволяли начать их промышленное освоение. Экспорт нефти из Экваториальной Гвинеи начался в 1995 г. С тех пор экономика страны росла стремительно (хотя и неравномерно), как и нефтяная зависимость. Например, в 2000 г. ВВП Экваториальной Гвинеи вырос на 18%, в 2001-м — на 66%, в 2002-м — на 20%. Добыча нефти увеличилась с 17 тыс. баррелей в день в 1996 г. до 350 тыс. баррелей в 2004 г. Основная часть нефти добывается на месторождениях «Сафино» (открыто в 1995 г. между островом Биоко и нигерийским сектором Гвинейского залива) и «Сейба» (открыто в 1999 г. недалеко от побережья материковой части страны). Добычу и поиск нефти и газа ведут, в основном, американские корпорации (*ExxonMobil*, *Chevron*, *Vanco Energy*, *Atlas Petroleum International*, *Devon Energy*), а также южноафриканская *Sasol*, малайзийская *Petronas* и другие компании.<sup>29</sup>

Партнером иностранных компаний с 2001 г. является национальная нефтяная компания *GEPetrol*, созданная с участием западных консультантов и ангольских экспертов.<sup>30</sup> По некоторым оценкам, неопытность и коррумпированность государственного аппарата приводит к тому, что власти Экваториальной Гвинеи получают только 15–20% от выручки за проданную нефть. Власти Экваториальной Гвинеи, видя, что их процент доходов от экспорта нефти ниже, чем у других стран-экспортеров в регионе, стремятся изменить условия соглашений с добывающими компаниями. В 2004 г. президент страны издал декрет, который обязал иностранные компании и их субподрядчиков открыть 35% их капитала для экваторгвинейцев и национальных компаний.<sup>31</sup>

<sup>29</sup> Country Risk Service Equatorial Guinea. July 2006 Updater. Economist Intelligence Unit, 2007.

<sup>30</sup> Ian Gary, Terry Lynn Karl, Catholic Relief Services, June 2003. Bottom of the Barrel. Africa's Oil Boom and the Poor. Catholic Relief Services, June 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.earth.columbia.edu/cgsd/STP/documents/Bottom\\_of\\_the\\_Barrel\\_English\\_PDF.pdf](http://www.earth.columbia.edu/cgsd/STP/documents/Bottom_of_the_Barrel_English_PDF.pdf). P. 25, 39–40.

<sup>31</sup> Valentin Hodonou. Equatorial Guinea, A New Oil Eldorado [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.african-geopolitics.org/show.aspx?ArticleId=3838>.

Экваториальная Гвинея располагает значительными запасами не только нефти, но и газа. В 1991 г. началась добыча газа на крупном месторождении «Альба». В качестве партнера иностранных компаний в газовой отрасли выступает государственная компания *Sonagas* (*Sociedad Nacional de Gas de Guinea Ecuatorial*), созданная в 2005 г.

Рост нефтяных доходов в условиях Экваториальной Гвинеи означал, прежде всего, повышение уровня жизни небольшого правящего слоя. Значительная часть поступлений, как выяснилось в 2003 г., оседала на личном счете президента Экваториальной Гвинеи в одном из банков США. В 2005 г. страна официально присоединилась к международной инициативе по развитию прозрачности в добывающих отраслях промышленности (EITI), однако на практике, по-видимому, существенных изменений в управлении нефтяной отраслью не произошло, страна остается «семейным предприятием».

С 1990-х гг. в экваторгвинейское «эльдorado» устремился поток легальных и нелегальных мигрантов, включая нефтяников и летчиков из стран СНГ. За несколько лет население страны выросло вдвое, возникла напряженность в отношениях между местными жителями и мигрантами-африканцами, наложившаяся на традиционную ксенофобию.

Специфика географического положения Экваториальной Гвинеи позволила этой небольшой стране претендовать на контроль над значительной частью шельфа в Гвинейском заливе. Стремясь «застолбить» как можно больше потенциальных блоков для нефти и газодобычи, Экваториальная Гвинея даже вмешалась в пограничный конфликт между Нигерией и Камеруном из-за полуострова Бакасси. В «донефтяной» период соседние Габон и Камерун выступали в роли покровителей слаборазвитой Экваториальной Гвинеи; теперь же экваторгвинейский экспансионизм вызвал рост напряженности в отношениях с этими странами. В 2004 г., после неудачной попытки свержения президента Обианга, из страны были высланы многие мигранты-камерунцы.

Власти Экваториальной Гвинеи стремятся расширить число зарубежных партнеров, чтобы не попасть в слишком большую зависимость от США как в экономической, так и в политической сферах. В регионе особое значение придается связям с Нигерией и Анголой, за пределами Африки — Китаю.

По оценке *Economist Intelligence Unit*, развитие Экваториальной Гвинеи в краткосрочной перспективе по-прежнему будет определяться состоянием здоровья президента страны. В дальнейшем сохранение традиционной системы управления неизбежно связано с трудностями в процессе передачи власти внутри семьи. Пока в качестве

наследника обычно упоминается старший сын президента Теодоро Нгема Обанг (Теодорин).

Перспективы добычи углеводородного сырья в экваторгвинейском секторе Гвинейского залива связаны не только с нефтью, но и с газом. Крупные запасы природного газа разведаны на шельфе около острова Биоко. В 2003 г. американская компания *Marathon Oil* и экваторгвинейская *GEPetrol* заключили соглашение с британской *British Gas* сроком на 17 лет о покупке сжиженного газа. *Marathon Oil* в партнерстве с японскими компаниями «Мицуи» и «Марубени» начала строительство завода по производству сжиженного газа в Пунта Эуропа (на острове Биоко).<sup>32</sup> С его запуском в 2007 г. эксперты прогнозируют новый скачок в росте ВВП (7,1% в 2007 г. по сравнению с 9,3% в 2005 г. и 5% в 2006 г.).<sup>33</sup>

В настоящее время общее состояние экваторгвинейской экономики выглядит относительно благополучно. Внешняя задолженность составляет менее 5% ВВП, инфляция снижается и приближается к 4%. Экваториальная Гвинея стремится к диверсификации экономики (в частности, проводились рекламные кампании по привлечению в страну иностранных туристов). В материковой части страны обнаружены, но не разрабатываются месторождения полезных ископаемых (марганец, железная руда, ниобит, золото); предпринимаются усилия по развитию лесного хозяйства и экспорта ценных сортов древесины (в основном, в страны Азии).

Однако в краткосрочной перспективе будущее страны почти полностью зависит от нефтегазовых доходов (по оценкам, до 97% поступлений от экваторгвинейского экспорта). В случае их сокращения Экваториальной Гвинее угрожает политическая нестабильность, а при некоторых обстоятельствах и распад страны, которому может помешать только внешний (вероятно, американский) «зонтик».

<sup>32</sup> Bureau of African Affairs. Background Note: Equatorial Guinea. November 2006.

<sup>33</sup> Country Risk Service Equatorial Guinea. July 2006 Updater. Economist Intelligence Unit, 2007.